

Кот на подоконнике

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Кот на подоконнике

<https://litres.ru/74457014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Денис приехал в Москву из другого мира. Не по своей воле. Устроился как умел: снял кабинет на Патриках, повесил на дверь табличку «принимает», стал помогать людям. Тихо, без свечей, без пафоса, без магии. Просто разговаривал. И — как ни странно — помогало.

А потом в его кабинет вошёл человек в дорогом пальто. С просьбой, от которой нельзя отказаться. И с бумажкой, на которой было написано имя из другого мира. Имя, которое Денис никому не называл. Имя его брата.

Так началась история, в которой нет злодеев. Есть только люди — с деньгами, властью, страхами и очень плохими привычками. И есть кот. Большой, рыжий, ленивый, смотрит на всех со своего подоконника — и, кажется, знает больше, чем весь этот город.

Тёплая ироничная повесть о том, как остаться собой, когда тебя выталкивают. О Москве, где чудеса бывают — но по расписанию. И о коте, который никогда не ошибается.

Для тех, кто любит «Понедельник начинается в субботу», «Дом, в котором» и хороший чай.

Содержание

Глава 1	4
Двор	4
Глава 2	16
Разговор по-мужски	16
Глава 3	28
Бумаги	28
Глава 4	43
Пропавший	43
Глава 5	55
Арбат	55
Глава 6	67
Клиент	67
Глава 7	79
Николай	79
Глава 8	91
Партнёр	91
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сергей Диковинный Кот на подоконнике

Глава 1

Двор

Полдень висел над двором, как раскалённое бельё на верёвке. Асфальт плавился, и над мусоркой, где спал рыжий кот, дрожал воздух — то ли зной, то ли что-то ещё, чего в этом мире быть не должно.

Денис появился из ничего. Не было ни вспышки, ни хлопка, ни даже лёгкого дуновения — просто секунду назад на этом месте был пустой пяточок между качелями без одной цепи и футбольной коробкой с кривыми воротами, а теперь стоял парень лет восемнадцати. Джинсы, белая футболка, кроссовки — так, как одевался тот, у подъезда. Он даже не успел подумать — руки сами сделали это: подстроили одежду, цвет, крой. Под футболкой, у самой кожи, лежало на тонкой цепи золотое солнце — его амулет. Денис накрыл его ладонью — тепло, живое, своё. И спрятал поглубже, под ткань. Он стоял и смотрел.

Двор был серый. Дома — серые коробки, будто кто-то сле-

пил их из песка и забыл раскрасить. Небо — выцветшее, дымное. Пахло бензином, пылью и чем-то сладковато-горелым. Магии в воздухе почти не чувствовалось — так, тонкая плёнка, разведённая в тысяче литров чего-то чужого. У Дениса засосало под ложечкой. Он не понимал, где он. Он вообще ничего не понимал. Секунду назад он был... там. Где-то, где всё было правильно. А теперь — здесь.

Он сделал шаг. Второй. Никто не смотрел. Это было до того непривычно, что он даже остановился — в его мире на него смотрели всегда, стоило ему появиться. А тут — бабки на лавке щёлкали семечки, кто-то тащил пакеты из «Пятёрочки», кот спал себе дальше. Никому до него не было дела. И тогда он увидел дядю Васю. Тот сидел на корточках у второго подъезда — майка «Адидаас» с растянутым воротом, треники, шлёпанцы, в руке пустая бутылка. Лет ему было, наверное, пятьдесят с небольшим, но лицо у него было старее, чем у самого Дениса, — усталое, обветренное, с красными прожилками у носа. Он смотрел на свою пустую бутылку, как на надгробие.

— Эх... — сказал он в пустоту. — Вот бы щас пивка. Холодненького. Чтоб аж зубы заломило...

Денис подошёл и присел рядом. Копируя позу — на корточки, локти на колени. Так, как делал этот человек. Так, как тут, видимо, было принято.

— Слушай, — сказал он. — А где тут... пиво берут?

Дядя Вася повернул к нему голову медленно, будто это

движение занимало у него всю жизнь.

— Пиво? — переспросил он с таким видом, будто Денис спросил у него про устройство вселенной. — Малой, ты чё, с луны упал?

— Почти, — честно ответил Денис.

Вася хмыкнул. Оглядел его — чистый, кроссовки дорогие, глаза шальные. Вздыхнул.

— Вон, «Пятёрочка» за углом, — кивнул он. — Только у меня, — он потряс бутылкой, — финансы поют романсы. Пенсия третьего числа. А сегодня первое. Э-эх...

Денис посмотрел на него. Потом — по сторонам. Никто не смотрел. И он опустил руку в карман новеньких джинсов — и вынул оттуда ящик. Настоящий, холодный, с ручкой. Тёмное стекло, золотые этикетки на незнакомом языке. Лучшее пиво, какое дядя Вася видел в своей жизни — а он в этой жизни видел разное.

Денис поставил ящик между ними, как будто так и надо. Вася замер. Медленно снял шлёпанец. Медленно надел обратно. Посмотрел на ящик. На Дениса. На свои руки. На небо. На ящик.

— Слышь, — сказал он глухо. — А ты... кто?

— Денис, — ответил тот. — Приезжий. Провинциал. Хочу понять, как тут жить. Москва ведь — столица. Может, подскажешь?

Вася молчал. В его глазах пронеслась вся жизнь — покупки в «Пятёрочке», долги за квартиру, жена, ушедшая к элек-

трику, двор, метла, зима, снова метла. Потом он взял бутылку. Открыл. Пил долго, не отрываясь. Отставил. Вытер рот ладонью.

— Ты, — сказал он торжественно, — хороший человек. Не знаю, откуда ты и как, но ты — хороший. Давай так: я тебе всё расскажу. Всё, что знаю. А знаю я, Денис, много. Я тут двор мету двадцать лет.

— Замётано, — кивнул Денис.

Он взял вторую бутылку. Пил маленькими глотками — вкус был странный, кисловатый, но ладно. Не время привередничать.

— Только закусить бы, — сказал Вася. — А то я с утра натошак. Голова закружится, и все мои знания, Денис, уйдут в песок.

Денис снова полез в карман. Вынул бутерброды — с копчёной колбасой, с маслом, на багете. И бумажный пакет, из которого тянуло чем-то горячим.

— Держи.

Вася принял бутерброд так, будто ему вручили икону. Откусил. Прожевал. Посмотрел на Дениса с чувством, которого давно ни к кому не испытывал.

— Всё, — сказал он.

— Всё, Денис. Я твой должник. Спрашивай.

Они перебрались на лавку — ту самую, у подъезда, где бабки щёлкали семечки. Бабки подвинулись, оглядели Дени-

са, но ничего не сказали. Вася развалился, откинул голову, и начал.

— Слушай первое, Денис. Тут без денег ты никто. Совсем никто. Вон, смотришь на меня? Я двадцать лет двор мету. Знаешь, сколько накопил? Хер. Потому что пенсия — копейки, а цены — вот, — он показал рукой в небо. — Тут либо воруешь, либо работаешь как проклятый... — он покосился на ящик, — либо у тебя свой подход. Только запомни: в Москве деньги любят тишину. И карту. Наличка щас у людей подозрение вызывает. Скажут — с вокзала привёз. Знаем мы таких.

— Понял, — сказал Денис.

— И людей не трогай, — продолжил Вася. — Москвичи — отдельный зверь. Спешат. Всегда. Куда — никто не знает. Спросишь дорогу — либо пошлют, либо уедут на самокате. Ты их не задевай. А заденут — ты, я вижу, малый не простой. Дай сдачи. Тут уважают тех, кто даёт сдачи.

— Дам, — кивнул Денис.

— Жить тебе где? — Вася задумался. — В общежитии — тараканы с кота. В съёмной однушке — платить будешь как за замок в Европе. Хочешь по-людски — вон, — он махнул на девятиэтажку. — В таких дворах. Тут свои. Своим и семечек дадут, и насос одолжат. А в центре — витрина. Не жизнь.

— А паспорт? — спросил Денис.

— Паспорт — это главное. Без паспорта ты бомж. Даже если у тебя золота на три пятиэтажки. Полиция подойдёт —

«предъявите». А ты чего? А ничего. В обезьянник — и привет. Так что заведи. Если сам не можешь — есть конторы. Скажешь, я дал телефон. Только их потом не ищи.

— Телефон, — повторил Денис. — А это что?

Вася медленно повернул голову.

— Ты реально с луны, — сказал он. — Телефон — это... — он задумался, — это как паспорт, только в кармане и светится. Без него ты не человек. Банк, проезд, работа, любовь — всё там. Но ты, я вижу, работой не мучаешься. Талант, видать.

— Талант, — согласился Денис.

— И не свети, — Вася вдруг понизил голос. — Станных тут не любят. Тут всё близко: сосед слышит, как ты кашляешь, камера видит, как ты идёшь, банк знает, сколько потратил. Думаешь, ты один — а на тебя уже смотрят. Кто — не спрашивай. Просто не делай странного.

Вася взял последнюю бутылку. Посмотрел на ящик. На Дениса. На небо.

— Эх, Денис, — сказал он. — Если бы я был молодой, как ты, да с твоими талантами... Я бы, наверное, стал кем-то. А так — двор, метла, пиво. Молодость — как этот ящик. Пришла и ушла. Держи, пока есть.

— У меня есть время, — сказал Денис. И что-то в его голосе было такое, от чего Васе стало не по себе. Будто этот пацан старше его самого на тысячи лет. Он мотнул головой — наваждение. Пиво. Точно, пиво.

— Ладно, — сказал он. — Что ещё хочешь знать?

Денис хотел знать всё. Он слушал Васю — про пробки, про метро (подземный змей, который людей пожирает, — Денис слушал и кивал), про эскалатор (лестница-ловушка, живая), про то, как тут никто никому не верит, и как все друг друга боятся, и как в этом страхе живут годами. Он слушал, слушал, слушал — а потом посмотрел на часы. Ну, на руку — часов там не было, но Вася не заметил.

— Слушай, — сказал Денис. — А ты где живёшь?

— Вон, — Вася махнул на пятиэтажку через двор, обшитую сайдингом цвета просроченного молока. — Хрущёвка. Двушка. Одна комната моя, вторая — пустая. Стоит, пылится. Сдавать думал, только кому нужно — в хрущёвке-то...

Он сказал это просто так. Не намекая. Но Денис уже всё решил.

— А мне сдай, — сказал он. Вася поперхнулся бутылкой. — Ты чё, серьёзно?

— Серьёзно. Мне нужно где-то жить. У тебя — комната. У меня — деньги. Всё сходится.

— Ты хоть видел её? — Вася уставился на него. — Там обои отклеились. Там ковёр на стене. Там кот ссал в углу три года. Ты...

— Покажи, — сказал Денис.

И Вася показал.

Хрущёвка пахла пылью и старым деревом. Половицы

скрипели. Комната Вася оказалась маленькой, с одним окном во двор, с ковром на стене (Вася не соврал), с диваном, с телевизором — большим, серым, допотопным. На кухне — три кастрюли, чайник на плите и кот по имени Барсик, который дремал на табуретке.

— Ну вот, — сказал Вася, будто извиняясь. — Хоромы.

Денис прошёлся по комнате. Потрогал стену. Посмотрел в окно — там, внизу, во дворе, всё ещё щёлкали семечки бабки, и кот спал на капоте.

— Беру, — сказал он.

— В смысле? — Вася моргнул. — Ты хоть спроси, сколько...

— Сколько надо.

— Ну... — Вася замялся. Он никогда в жизни никому не сдавал комнаты. — Скажем, тысяч двадцать. В месяц. Но я могу и... — он хотел сказать «десять», но не успел.

— За год, — сказал Денис.

— Чего? — Заплачу за год. Сразу.

Вася открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Ты... ты не просто с луны, — сказал он наконец. — Ты с луны, где деньги растут на деревьях.

Денис улыбнулся. И полез в карман. Он знал, как это делается. В его мире он умел вынимать из воздуха всё, что нужно. Здесь — то же самое. Просто нужно было представить. Он представил пачки. Плотные, хрустящие, перетянутые банковской резинкой. И рука вынырнула из кармана —

полная. Пачки легли на стол. Одна. Другая. Третья. Пятая. Десятая. Вася смотрел, как растёт эта стопка, и его лицо делалось всё белее.

— Тут... — Денис прикинул. — Тут за год. С запасом. Если что — добавим.

Вася молчал. Он смотрел на деньги. Потом на Дениса. Потом на деньги снова. И в его глазах было что-то, чего Денис не понимал, — не радость, не восторг, а страх. Тот самый страх, о котором Вася сам ему только что говорил. Не делай странного. Он не сделал странного. Он сделал щедрое. А это, как он узнает позже, в Москве почти одно и то же.

— Слышь, — сказал Вася хрипло. — Ты... ты вообще-то осторожнее. Тут так нельзя. Тут так — нельзя.

— Почему?

— Потому что увидят.

Денис хотел спросить, кто увидят. Но не успел.

В окно было видно двор. Лето, жара, качели без одной цепи. Бабки на лавке. Кот на капоте. И пацан у футбольной коробки — молодой, стриженный, в чёрной футболке и спортивных штанах. Он стоял, опершись на сетку ворот, и смотрел вверх. Прямо в окно Васи. Прямо на стол, где лежали пачки денег. Секунду он смотрел. Потом достал телефон. И поднёс его к лицу. Вася проследил за взглядом Дениса. Увидел пацана. Увидел телефон. И медленно, очень медленно, поставил бутылку на пол — так аккуратно, будто она была

из стекла и хрусталя.

— Вот, — сказал он тихо. — Вот об этом я тебе и говорил, Денис. Про «не свети». Про «тут всё близко». Вот — началось. Денис смотрел на пацана. Пацан смотрел на окно. Потом сунул телефон в карман, развернулся и пошёл — не торопясь, спокойно, будто уже знал, что делать дальше.

— Кто это? — спросил Денис.

— Это, — Вася выдохнул, — Кирюха. Из второго подъезда. Мелкий, но при своих. У него брат — Ильдар. А Ильдар — это уже серьёзно. Это местные. Они тут всё дно держат. И если Кирюха снял — значит, к вечеру Ильдар придёт. Разговаривать.

— Разговаривать? — Денис улыбнулся. — Ну, пусть приходят. Я люблю разговаривать.

— Ты не понимаешь, — Вася вцепился в его руку. — Денис. Слушай меня. Ты, я вижу, не боишься. И правильно, наверное, не боишься. Но я боюсь. Я тут живу. У меня тут двор, метла, пенсия. Если они придут — они придут не к тебе. Они придут ко мне. Потому что ты — это ты, а я — это я. Ясно?

Денис молчал. Смотрел на Васю. И впервые с тех пор, как он появился в этом дворе, ему стало не смешно.

— Ясно, — сказал он. — Тогда я останусь тут. До вечера. И если они придут — поговорю с ними сам.

— А если не договоришься?

Денис повернулся к окну. Пацан уже скрылся в подъезде.

Бабки щёлкали семечки. Кот спал. Двор дышал жарой.

— Я всегда договариваюсь, — сказал он.

Вася посмотрел на него. Потом на деньги на столе. Потом на Барсика, который вошёл в комнату и уселся у двери, глядя на Дениса круглыми глазами. И Вася вдруг понял, что этот пацан не врёт. Он налил себе из последней бутылки. Выпил залпом.

— Ладно, — сказал он. — Тогда так. До вечера я тебе расскажу про метро. Про то, как тут схема работает. Про то, что говорить ментам, если что. И про то, где тут покупают паспорта. А вечером... вечером будь что будет. Может, и обойдётся.

— Обойдётся, — сказал Денис.

Он сел на диван. Кот Барсик прыгнул ему на колени, свернулся и заурчал. Денис посмотрел на него. На Васю. На деньги. На золотой амулет, который всё ещё прятался под футболкой. Он не знал, что будет дальше. Но почему-то — впервые за этот день — ему было хорошо.

А за окном, во дворе, лето уже клонилось к закату. И где-то в глубине хрущёвки, в другом подъезде, парень по имени Кирюха отправлял брату сообщение. Одно. Короткое. «Тут тема. Приезжай, глянь». А Ильдар, говорят, был не из тех, кто не приезжает на такое.

Глава 2

Разговор по-мужски

Вечер пришёл во двор тихо, как сосед, который должен денег.

Бабки ушли по домам. Кот слез с капота. Качели без одной цепи глухо звякали на ветру — единственный звук, будто двор сам себе отсчитывал время. Денис сидел на диване, Барсик спал у него на коленях, а Вася в третий раз пересказывал ему метро.

— Значит, змей, — повторил Денис. — Под землёй. Ест людей.

— Не ест, — поправил Вася. — Возит. Но если зазеваешься — проглотит. Это как... — он пощёлкал пальцами, подбирая слово, — как река. Река не ест. Но утонуть в ней — как два пальца.

— Понял, — сказал Денис и погладил кота. — Река.

Он не понял. Вася видел, что не понял, и от этого ему хотелось выпить, но пиво кончилось, а за добавкой идти было не время.

В дверь позвонили ровно в девять. Не дёрнули, не забарабанили — *позвонили*. Один раз. Как будто человек за дверью точно знал, что его ждут, и не собирался тратить силы

на лишнее.

Вася дёрнулся. Денис — нет. Он снял кота с колен, аккуратно, будто тот был из стекла, положил его на диван и встал.

— Пойду открою.

— Денис...

— Всё нормально, Вася. Сиди.

Он открыл.

На пороге стояли четверо. Трое — молодые, широкие, в чёрном, с битами, которые они держали так привычно, будто это были не биты, а продолжения рук. А впереди — четвёртый. Лет тридцати пяти. Коротко стриженный. Плечи, которые когда-то были спортивными, а теперь просто большими. Шрам над бровью. Спокойные глаза человека, который давно перестал торопиться.

— Ильдар, — сказал он. Не спросил. Представился.

— Денис. Заходите.

Ильдар чуть склонил голову. То ли кивок, то ли оценка. И вошёл. Парни — за ним, плечом к плечу, будто в дверь нарочно лезли вдвоём.

Хрущёвка сразу стала меньше. Ковёр на стене как будто сжался. Барсик ушёл под стол.

Ильдар огляделся. Деньги на столе уже убрал Денис, но воздух в комнате был плотный, будто чужой. Ильдар это почувствовал. Он всегда чувствовал, кто в комнате хозяин, а кто гость. И сейчас он не понимал.

— Слышал, — сказал он, — тут человек появился. С день-

гами. Откуда деньги — не говорит. И живёт у дяди Васи. — Он посмотрел на Васю. Вася стал цветом как сайдинг их хрущёвки. — Дядя Вась, всё нормально. Тебя не тронем. Мы поговорим и уйдём.

— Ильдар, — Вася встал. Руки у него дрожали. — Ильдар, он хороший парень. Он просто...

— Сядь.

Вася сел.

Ильдар повернулся к Денису.

— Значит, так. — Голос ровный, как асфальт. — Я не знаю, кто ты. Мне это, честно, неинтересно. Тут район. Тут всё ходит через нас. Появился человек с деньгами — значит, должен зайти, поздороваться, сказать, кто, откуда, надолго ли. Это не наезд. Это порядок. — Он помолчал. — Ты порядок не соблюл. Поэтому мы пришли.

Денис кивнул. Медленно.

— Понял, — сказал он. — Справедливо. Извини. Я тут недавно, правил не знаю.

— Вот. Уже разговор. — Ильдар почти улыбнулся. — Тогда так. Откуда деньги?

— Есть.

— Откуда?

— Есть, — повторил Денис, и в его голосе не было ни наглости, ни страха — просто факт. Как про погоду.

Ильдар смотрел на него секунду. Дольше, чем нужно. Он привык читать людей по лицам — это его кормило двадцать

лет. И тут он не прочитал ничего. Пусто. Как будто за этим пацаном стояла стена.

Краем глаза он увидел, как один из парней — молодой, с битой на плече — шагнул вперёд. Слишком близко. Слишком нагло.

— Слышь, — сказал парень. — Ты чё, братан, не понимаешь? У нас тут...

Бита выскочила у него из руки.

Сама.

Она поднялась в воздух — невысоко, на полметра, лениво покачиваясь, как будто решала, чем заняться. Парень замер с открытым ртом. Второй парень, стоявший рядом, инстинктивно потянулся своей битой — но и его бита выскочила, закружилась, развернулась, выпрямилась в воздухе — как солдат на плацу.

— Э, — сказал первый парень.

И тут обе биты начали бить.

Не насмерть. Не сильно. Но методично. Как будто у них была цель, план и, возможно, обида. Первая бита огрела своего хозяина по плечу — раз, другой. Второй парень попытался убежать, но бита не отставала, догоняла, шлёпала по спине, по бёдрам, по локтям, будто воспитательница ремнём. Парни заорали, заметались по хрущёвке, налетели на ковёр, свалились на Васю, Вася заорал вместе с ними, Барсик вылетел из-под стола и, шипя, унёсся на кухню.

Третий парень — тот, что с самого начала стоял молча, —

поблел так, что стал виден на фоне сайдинга. Он успел бросить свою биту, но она уже была в воздухе, и уже разворачивалась в его сторону.

— Хватит, — сказал Денис.

И всё остановилось.

Биты замерли в воздухе. Потом медленно, как бы нехотя, опустились на пол. Парни лежали на ковре — двое в позах, о которых рассказывают в травмпункте, третий стоял на ногах, но держался за стену.

Ильдар не двинулся. Ни на шаг. Ни на сантиметр. Он смотрел на биты на полу, потом на Дениса, потом снова на биты. Шрам над бровью стал белым.

— Вася, — сказал Денис спокойно. — Чаю? У тебя вроде был чай.

— А? Что? — Вася выполз из-под одного из парней. — Чай. Да. Чай. — И, шатаясь, ушёл на кухню.

Денис кивнул на диван.

— Ильдар. Сядь. Разговор будет длиннее, чем ты думал.

Ильдар сел. Парни — по знаку — отползли к стене. Третий поднял с пола одну биту, посмотрел на неё и осторожно прислонил к стене, как будто извиняясь.

— Ты кто? — спросил Ильдар. Тихо.

— Я Денис. — Денис сел напротив. — Приезжий. Хочу тут жить. Долго. Мне нужен человек, который знает этот город. Который знает, кому платить, кому кланяться, кому не кланяться. Который знает, где тут что делается и как. — Он

помолчал. — Я так понимаю, это ты.

Ильдар не ответил. Он смотрел на Дениса, и в голове у него что-то громко щёлкало, как счётчик, и цифры не сходились.

— Так, — сказал он наконец. — Слушай. Я не знаю, что я сейчас видел. Может, у меня давление. Может, у тебя парни по углам стоят, гипнотизёры, я не знаю. — Он наклонился вперёд. — Но если ты думаешь, что меня можно купить, — ты ошибся. Я на этом дворе вырос. Я таких, как ты, видел. Я сам такой был. Скажи, сколько ты хочешь.

Денис посмотрел на него. И вдруг спросил совершенно не по теме:

— Ильдар. Сколько тебе надо денег, чтобы стать счастливым?

Ильдар моргнул.

— Чего?

— Денег. Чтобы счастье. Сколько?

Ильдар засмеялся. Коротко, невесело. Такой приём он знал: сначала купить, потом привязать. Он и сам его применял.

— Много, — сказал он.

— Конкретно.

— Ладно. — Ильдар откинулся на диван. — Поиграем. Пятьдесят тысяч. Чтобы просто выдохнуть.

Денис опустил руку в карман и вынул пачку пятитысячных. Положил на стол.

Ильдар посмотрел на пачку. Не взял.

— Двести, — сказал он.

Вторая пачка легла рядом.

— Миллион.

Третья. Четвёртая. Пятая. Стопка росла ровно, спокойно, будто так и надо. Денис не торопился. Не хитрил. Он просто брал из кармана деньги и клал на стол, глядя Ильдару в глаза — не победно, а как-то даже участливо, будто помогая ему считать.

Шестая. Восьмая. Десятая. Стопка перестала быть стопкой. Она стала лестницей.

Ильдар перестал называть суммы. Он просто смотрел. Он знал, что это невозможно. Он знал, что в карман столько не влезет. Он знал, что это фокус, что это телевизор, что это сон.

Но деньги были настоящие. Он взял одну — пальцы сами потянулись, — пощупал, посмотрел на просвет. Настоящие. Новые. Пахли типографией.

— Двенадцатая, — сказал Денис. — Тринадцатая. Четырнадцатая.

— Стоп, — сказал Ильдар.

— Пятнадцатая.

— Стоп, я сказал.

— Шестнадцатая.

Парни у стены заворожённо молчали. Один из них — тот, что с битой, — открыл рот и не закрыл. Вася стоял в дверях

кухни с чайником и тоже не закрыл.

— Двадцатая, — сказал Денис. — Здесь два миллиона. Наличными. И это не всё, что есть. Это то, что влезло в карман.

Он откинулся на диван.

— Ильдар. Скажи честно. На двадцатой пачке ты меня ещё считаешь или уже нет?

Ильдар молчал.

Долго.

Он смотрел на два миллиона на столе хрущёвки. На ковёр. На Васю с чайником. На свою битую у стены — ту, которая только что летала сама. На своих парней, которые пришли с ним на разговор и сидели сейчас, как первоклассники.

И где-то в этом молчании, в этой точке, где не сходились цифры, счётчик в голове Ильдара тихо умер. Потому что не бывает так, чтобы деньги лежали ни на чём. Ни на бизнесе, ни на силе, ни на связях, ни на прошлом. Они лежали просто так. Просто из кармана.

А это значило только одно: он, Ильдар, тридцать пять лет, вырос на этом дворе, двадцать лет держал район, считал себя хозяином — был, оказывается, никем. И человек напротив — не бандит. Не гастролёр. Не псих.

Бандит не нужен человеку, у которого в кармане бесконечность.

Такому нужен кто-то другой.

— Ты... — сказал Ильдар, и голос у него сел. — Ты не

экстрасенс.

— Нет, — сказал Денис.

— И не фокусник.

— Нет.

Ильдар посмотрел на биты, лежащие на полу. И вдруг всё понял. Не словами — словами такое не понять, — а чем-то внутри, там, где у него когда-то жили спорт, уважение и страх, а теперь осталось только это «понял» и ничего больше.

— Ты настоящий, — сказал он тихо.

Денис ничего не ответил. Но как-то так посмотрел, что Ильдару стало ясно: он впервые в жизни сказал вслух то, что правильно.

Денис встал. Подошёл. Сел рядом — не напротив, а рядом, плечом к плечу, как сидят двое, которые уже договорились.

— Слушай меня, — сказал он. — Я тут один. Ко мне будут приходить всякие. Кто-то захочет денег, кто-то захочет чуда, кто-то — зла. Я в этом городе ничего не понимаю. Ни как ходят бумаги, ни как разговаривают с людьми, ни как тут заводится жизнь. Ты — понимаешь. Поэтому предлагаю так. Ты — мой человек здесь. Приведи мне всё в порядок. Паспорт, бумаги, жильё, людей, кто будет работать. Плачу хорошо. Плачу так, что тебе хватит не только на счастье, а и на его брата. А ещё... — он помедлил, — я тебе скажу одну вещь, и ты её никогда не забудешь.

— Какую?

— Что бы ты ни увидел рядом со мной — это не фокус. Это по-настоящему. И тот, кто это знает, живёт спокойнее, чем тот, кто не знает. Поэтому тебе будет проще, чем другим.

Ильдар долго смотрел на него.

Потом взял одну пачку. Одну. Аккуратно положил в карман. Посмотрел на остальные на столе — и не тронул.

— Ладно, — сказал он. — Работаю.

Обернулся к парням:

— Всё. Собрались. Битку свою заberi, умник. — Молодой с битой виновато шагнул вперёд. — И передай тем, кто спросит: не суйтесь сюда. Вообще. Никогда. Понял?

— Понял, Ильдар.

— Свободны.

Парни ушли. Дверь закрылась. В хрущёвке стало тихо — так тихо, что было слышно, как на кухне Барсик пьёт молоко.

Ильдар встал. Подошёл к Васе. Положил руку ему на плечо.

— Дядя Вась. Извини за биты.

— Да... ладно, — пролепетал Вася. — Чай будешь?

— В следующий раз.

Ильдар обернулся к Денису. И впервые за вечер улыбнулся — коротко, по-своему, но по-настоящему.

— Значит, так. Завтра с утра поедem. Паспорт, прописка, счёт в банке, симка. Потом — кое-кого навестим. — Он помолчал. — А ещё, Денис, ты должен знать: в Москве полно тех, кто называет себя экстрасенсами. Все они врут. Все.

Клиенты платят — и уходят. Им снятся сны, им обещают порчу и венец безбрачия, им продают свечи и воду.

— А я?

Ильдар посмотрел ему прямо в глаза.

— А ты нет.

Он взял с пола свою битую — не свою, чужую, ту, что осталась от молодого, — и для чего-то переложил её в угол, подальше. Чтобы не под руку. Чтобы забыть.

— Ладно, — сказал он. — Я пошёл. Утром в восемь у подъезда. Не просп.

И вышел.

Денис стоял посреди хрущёвки. На столе лежали девятнадцать пачек — он забирал обратно одну. Вася смотрел на них, как на икону.

— Денис, — сказал Вася.

— Что?

— Ты... — Вася проглотил. — Ты только это. Убери куда-нибудь. А то я не усну.

— Уберу, — сказал Денис.

И убрал.

А утром, когда над двором снова повисло раскалённое, как бельё, солнце, у подъезда стоял чёрный внедорожник, в котором скучал Ильдар. Денис вышел. Увидел его. И впервые за всё время, что он был в этом мире, ощутил, что у него есть кто-то, кто знает правила игры, в которую он только что вошёл.

Волшебник, у которого появился проводник.

Глава 3

Бумаги

Утро началось с БМВ.

Ильдар ждал у подъезда ровно в восемь — как договорились, — и был он не один: рядом с ним стояли двое из вчерашних. Один — тот, что с битой, — теперь без биты, в рубашке, с прилизанными волосами. Второй — постарше, в очках, с папкой. Вид у них был деловой, как у адвокатов, которых вызвали бесплатно.

Денис вышел. Увидел машину. Остановился.

БМВ была старая. Не «олдскульная, с историей». Не «культовая, как у отца». Просто старая. Тёмно-синяя, выцветшая до цвета грязной воды. С одной фарой, которая смотрела вниз, как будто ей было стыдно. На заднем крыле — вмятина, обведённая кисточкой и подкрашенная другой синей краской. Не той, что кузов. Другой.

— Это что? — спросил Денис.

— Это, — Ильдар с любовью похлопал капот, — моя машина. Е39. Легенда.

— Она ездит?

— Обижаешь.

Она ездила. Первые пять минут — вполне достойно. На

шестой Денис понял, что в машине пахнет чем-то сладким и подгоревшим, а на седьмой прямо на ходу отвалился кусок чего-то снизу, глухо стукнул по днищу и уехал назад, в Москву, которой Денис пока не знал.

Денис молчал.

Ещё через пять минут он сказал:

— Ильдар.

— Что?

— Мы едем к паспортному столу.

— Ну.

— На этой машине?

— Ну.

Денис посмотрел на него.

— Плохо.

— Чего плохо-то? — Ильдар даже обиделся. — Она заводится. Она ходит. Она...

— Ильдар.

— Что?

— Она — плохо.

Ильдар открыл рот, чтобы возразить. Но что-то в голосе Дениса — то самое, что вчера сломало счётчик в его голове, — заставило его закрыть рот. Он молча довёз Дениса до МФЦ. Припарковался в третьем ряду. И тихо, себе под нос, пробормотал:

— Ты ничего не понимаешь. Это легенда.

— Угу, — сказал Денис.

МФЦ был адом.

Не в том смысле, в котором Денис видел ад — а в том, что тут сидели люди и терпеливо ждали. Сто человек. Молча. С талончиками. С одного из окошек кричали номер. Из другого — что-то про СНИЛС. Из третьего — про то, что «вам не сюда, вам в другой кабинет».

Денис замер на входе.

— Что это?

— МФЦ, — сказал Ильдар.

— А что там внутри?

— Там? — Ильдар подумал. — Там люди. Там правила. Там очень много всего.

— И что делают?

— Получают бумаги.

Денис выдохнул. Он видел в жизни всякое. Он видел, как драконы выдыхают огонь, как магия крутит миры, как города падают и встают. Но эти сто человек, сидящих молча на пластиковых стульях и глядящих в один и тот же табло с номерками, — это было страшнее.

— Ладно, — сказал он. — Идём.

— Стой. — Ильдар положил руку ему на плечо. — Тебе паспорт нужен. Для этого — паспортный стол. Тут — другой кабинет. Мы сначала пойдём к одному человеку. Он всё сделает.

— Кто?

— Участковый.

Участковый, которого звали Виктор Петрович, был мужчина плотный, лысый и очень усталый. Красная папка на столе. Часы на стене. График приёма, написанный от руки и уже обведённый красным. Он посмотрел на вошедших поверх очков — на Ильдара с осторожностью, на Дениса с подозрением.

— Здравствуйте, Ильдар Русланович, — сказал он.

— Виктор Петрович, — Ильдар кивнул. — Есть разговор.

— Какой?

Ильдар оглянулся. Закрыл дверь кабинета. И сел напротив. Денис сел рядом.

— У меня, — сказал Ильдар, — человек. Хороший человек. Из провинции. Приехал в Москву. Жить. Работать. Всё как надо.

— Ну? — Виктор Петрович не двинулся с места.

— Документов нет.

Виктор Петрович молчал. Смотрел на Дениса. Денис смотрел на него.

— Нет документов, — повторил Виктор Петрович. — И вы ко мне пришли. Интересно. А почему не к ходатаям? Почему не к адвокатам?

— Потому что, — сказал Ильдар, — мы к вам. По-соседски. Он в вашем районе жить будет.

Виктор Петрович усмехнулся.

— В моём районе. Это в каком?

— Хрущёвка. У дяди Васи.

Виктор Петрович вдруг оживился.

— У Василия Николаевича? Дворника? С которым жена развелась?

— Он самый.

— Хороший мужик, — сказал Виктор Петрович неожиданно тепло. — Хороший. Метёт чисто. Поздоровается всегда. Не то что остальные.

И тут Денис решил вступить.

— Виктор Петрович, — сказал он. — Сколько будет стоить паспорт и прописка? По-честному.

Виктор Петрович посмотрел на него. Потом на Ильдара. Потом снова на Дениса.

— Это не ко мне вопрос, — сказал он сухо. — Это вопрос к федеральной миграционной службе. Я — участковый. Я только за порядок отвечаю.

— Понял, — кивнул Денис. — Тогда за порядок. Сколько?

— Что вы себе позволяете...

— Тысяч двести хватит?

Виктор Петрович замолчал. Долго. Так, что стало слышно, как тикают часы на стене. Ильдар в этот момент аккуратно отвёл взгляд — в сторону окна, как воспитанный человек на скучном приёме.

— Пятьсот, — сказал наконец Виктор Петрович. — И это не мне. Это — на оформление. Понимаете? На оформление. Денис молчал.

И опустил руку в карман.

И вынул пять пачек. По пять тысяч. По сто тысяч в каждой. Он положил их на стол. Ровно. Пятерочками в ряд.

Виктор Петрович смотрел на пачки.

Потом на Дениса.

Потом на пачки снова.

Потом откашлялся. Достал из ящика стола лист бумаги, из другого — ручку, из третьего — какое-то бланк с двумя печатями. Начал писать. Быстро, размашисто, не поднимая глаз.

— Значит, — сказал он скороговоркой, — заявление пишем сегодня. Завтра — справка о регистрации. Через три дня — паспорт. Прописка — по этому адресу. Фамилию какую? Имя? Отчество? Год рождения? Место?

— Денис. Сергеевич. Лет... двадцать. Родина — Псковская область.

— Хорошо. Так. Телефон для связи оставьте. Если что — я всегда, — Виктор Петрович поднял глаза и посмотрел прямо Денису в лицо, — к вашим услугам.

Ильдар в этот момент отвернулся ещё дальше, к окну, и потёр рот рукой. Чтобы не улыбнуться.

Денис кивнул.

— Спасибо, Виктор Петрович.

— Не за что. Не за что. — Виктор Петрович снял очки, протёр их платком, надел обратно. — А это, — он аккуратно сдвинул пачки к краю стола, — я оформлю. Как надо. Всё

по правилам.

— По правилам, — согласился Денис.

На выходе Ильдар загоготал так, что на него обернулась женщина с талончиком.

— По правилам! — повторял он. — Денис, ты дал пятьсот тысяч участковому. Пятьсот. Ты понимаешь, что у меня с этого только десять процентов раньше было, а мы всю жизнь так работали? — Он вытер глаза. — Слушай. Ты ненормальный. Это комплимент.

— Спасибо, — сказал Денис. — Ильдар.

— Что?

— Мы с этой машиной закончили.

Автосалон на Ленинградке был стеклянный, огромный и как будто из другого мира. Денис вошёл — и сразу понял, что это место уважает только тех, кто пришёл без вопросов. А он в этой Москве ничего ещё толком не знал, кроме того, что машина у Ильдара — плохо.

Продавец в костюме поплыл к ним навстречу с улыбкой, но улыбка чуть дрогнула, когда он увидел Ильдара.

— Здравствуйте. Чем могу?

— Здравствуйте, — сказал Денис. — Мне нужен Роллс-Ройс.

Продавец моргнул.

— Простите?

— Роллс-Ройс. Чёрный. Самый дорогой, какой у вас есть.

Продавец посмотрел на Ильдара. Ильдар пожал плечами

— мол, я тоже с ним часа не знаю. Продавец посмотрел на Дениса снова. Улыбка на его лице стала пластиковой.

— Простите, у нас есть модель. Она стоит около тридцати...

— Не важно, — сказал Денис. — Где машина?

— Я должен предупредить: сумма достаточно серьёзная, и мы обычно работаем с...

Денис опустил руку в карман.

Продавец замолчал. Потому что рука вынырнула оттуда с пачкой. С двумя. С тремя.

— Депозит, — сказал Денис.

Продавец смотрел на пачки, на стол, на Дениса. Его улыбка не исчезла — она просто перестала понимать, что происходит, и застыла в каком-то переходном состоянии.

— Пройдёмте в переговорную, — сказал он наконец.

— Не надо, — сказал Денис. — Пройдёмте к машине.

Они прошли к машине.

Она стояла в дальнем углу, чёрная, с блестящей решёткой и флагом на капоте, который покачивался над ней как парус. Денис обошёл её кругом. Посмотрел.

— Дверь открой, — сказал он продавцу.

Продавец открыл дверь.

Денис сел. Запах кожи был новый и спокойный. Не то что в БМВ. Здесь пахло тем, что у людей всё хорошо и так будет всегда.

Денис вышел. Кивнул.

— Беру.

— Тогда нам нужно оформить кр...

— И ещё, — сказал Денис. — У вас есть Гелендваген?

Продавец моргнул.

— Есть.

— Чёрный. Для... — Денис посмотрел на Ильдара.

Ильдар стоял с открытым ртом.

— Для его людей, — сказал Денис. — Ильдар.

— Что — Ильдар? — выдавил Ильдар.

— У тебя пацаны. Им надо ездить. Пусть на этом ездят.

Продавец открыл рот, чтобы что-то сказать.

— Оформляем оба, — сказал Денис. — Сейчас.

— Сейчас — это невозможно, это занимает время, банк, лизинг, кредитный...

— Наличными, — сказал Денис.

И открыл вторую полку кармана.

Продавец больше не задавал вопросов. Продавец ушёл за документами.

Ильдар стоял рядом, глядя на чёрный Роллс-Ройс, как дядя Вася на ящик пива. Он вынул телефон. Снял видео. Медленно. Потом посмотрел на Дениса.

— Я, — сказал он, — двадцать лет держал район. Я дрался. Я сидел. Я платил. И вот у меня... Роллс.

— У тебя не Роллс, — сказал Денис. — У тебя Гелендваген. Роллс — у меня.

— Я знаю, — Ильдар улыбнулся счастливо. — Я знаю.

Денис. Мне кажется, я тебя люблю.

— Не сейчас, — сказал Денис. — Сначала квартира.

Новостройка была стеклянная, острая, высокая. Шестьдесят этажей. Отсюда было видно половину области. Денис и Ильдар стояли у входа, где швейцар в ливрее прикидывал, пускать ли их.

— Мне нужен пентхаус, — сказал Денис в апарт-офисе.

— Наш последний пентхаус — четыреста квадратных метров. С видовым этажом. Стоимость — около двухсот...

Денис опять опустил руку в карман.

Продавщица — женщина приятная, в костюме, с правильным макияжем, — остановилась на середине фразы. Как продавец машины. Как участковый. Как дядя Вася.

— Пройдёмте, — сказала она тихо.

Пентхаус был сверху. Вид — весь город внизу, как на ладони. Потолки в четыре метра. Окна от пола до потолка. Панорама. Тишина.

Денис ходил по пустым комнатам. Ильдар стоял у окна, смотрел вниз и молчал.

— Здесь, — сказал Денис.

— Здесь, — согласился Ильдар. — Только, Денис, у меня вопрос.

— Какой?

— А где ты живёшь? В смысле — сейчас. Через час.

Денис обернулся.

— У дяди Васи. — Он помолчал. — Нет. Уже нет.

— Значит, так. — Ильдар засунул руки в карманы. — Ты — сюда. Я — этажом ниже. Чтобы быть под рукой.

Денис посмотрел на него внимательно.

— Уверен?

— Да. — Ильдар смотрел в окно. — Денис, я тебе скажу одну вещь. Я вчера ночью не спал. Совсем. Считал. Думал. Я понял одну вещь. Если я буду далеко — я не смогу тебя защищать. А если буду близко — я успею.

— Мне не нужна защита.

— Знаю. — Ильдар обернулся. — Мне нужна.

Денис молчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Этажом ниже. Выбери.

— Двухсотметровую.

— Бери трёхсотметровую.

— Денис...

— Ильдар. Бери трёхсотметровую. Мне неудобно думать, что мой человек живёт хуже, чем надо.

Ильдар открыл рот.

Закрыл.

Пошёл выбирать.

А вечером, когда оба договора уже были подписаны — молниеносно, потому что наличные ускоряют любые молнии, — они вышли на улицу. Асфальт ещё держал тепло. Где-то вдалеке гудели пробки. Ильдар посмотрел на новый чёрный Гелендваген, припаркованный у входа и охраняемый одним из его парней — тем самым, что теперь носил не битую,

а папку.

— Слушай, Денис. — Он вдруг стал серьёзным. — Ещё один вопрос.

— Давай.

— Деньги. — Ильдар помолчал. — Деньги, которые ты достаёшь. Их надо куда-то. Понимаешь? Их нельзя держать дома. Их нельзя носить в кармане. Я теперь знаю, что ты можешь. Но другие — не должны. Поэтому — банк. Завтра. Чемоданы.

— Чемоданы?

— Ага. Большие. Из тех, в которых люди переезжают. Только не с вещами.

Денис посмотрел на него. И улыбнулся — редко, скупое, но по-настоящему.

— Ильдар.

— Что?

— Ты хороший человек.

— Да пошёл ты, — сказал Ильдар смущённо и ушёл к машине.

Банк был на Тверской. Отделение с колоннами. Мрамор. Тишина. Девушки в форме. Двое охранников, которые сначала напряглись, когда увидели Ильдара, но расслабились, когда увидели Роллс-Ройс у входа. У людей с Роллс-Ройсом вопросы решают вице-президенты отделения.

Вице-президент вышел сам. Мужчина лет пятидесяти, в идеальном костюме, с прекрасными манерами.

— Добрый день. Чем могу?

— Хочу положить деньги, — сказал Денис.

— Отлично. На счёт? Вклад? Инвестиции?

— Не важно. На счёт. И карту.

— Разумеется. Какую сумму вы планируете?

Денис посмотрел на Ильдара.

Ильдар молча вышел.

Через минуту он вернулся. С двумя чемоданами. Большими. Дорожными. Он поставил их на пол перед столом вице-президента и отошёл на два шага, как конвоир.

Вице-президент смотрел на чемоданы.

— Это...

— Здесь, — сказал Денис, — около сорока миллионов. Не считал точно. Может, больше.

Вице-президент молчал долго. Потом встал. Посмотрел на обоих. Потом сел обратно. Потом снова встал.

— Пройдёте в переговорную, — сказал он.

— Не надо, — сказал Денис. — Открой.

Ильдар открыл первый чемодан.

Пачки. Пятитысячные. Свежие. Только что «из кармана». Уложенные ровно, как книги в библиотеке. Пахли типографией. Вице-президент посмотрел на них. Потом на второй чемодан. Потом снова на Дениса.

— Это... откуда? — спросил он тихо.

— Есть, — сказал Денис.

— Понимаю. — Вице-президент сглотнул. — Извините. Я

обязан спросить. Понимаете? Регламент. Такие суммы требуют пояснения происхождения.

— Хорошо. — Денис подумал. — Наследство. От деда. Дед жил в провинции. Держал деньги дома. Всю жизнь. Так?

— Так, — сказал вице-президент. — Но, понимаете, мы всё-таки обязаны... — Он посмотрел на чемоданы. На Дениса. На Ильдара, который теперь стоял очень спокойно, сложив руки на груди, и почему-то казался гораздо менее опасным, чем был на самом деле. — Ладно. Я думаю, мы что-нибудь придумаем.

— Придумайте, — сказал Денис.

Через час Денис вышел из банка с картой в руках. Металлической. Чёрной. С золотыми буквами на ней. На имя Дениса Сергеевича. И паспорт — тот самый, с фотографией, на которой он был очень похож на себя. Только чуть помоложе. Ильдар сделал фотографию вчера, на телефон, но Денис умудрился что-то с ней сделать такое, что она стала похожа на фотографию из паспорта. Магия. Бывает.

Он вышел на Тверскую. Посмотрел на карту. На паспорт. На Роллс-Ройс, который ждал у обочины, и на Гелендваген за ним, из которого Ильдар уже махал рукой.

Денис посмотрел на всё это.

И засмеялся.

Просто. Наконец-то. Как человек. Как любой, кто успел в чужом городе за сутки пройти путь от «ни души» до собственного человека, собственной машины, собственного до-

ма и собственного имени в бумагах.

Ильдар подошёл.

— Ты чего?

— Всё хорошо, — сказал Денис. — Всё хорошо.

— Тогда — ко мне домой, — сказал Ильдар. — Обустройство. Первый вечер. Позову пацанов. Отпразднуем.

— Отпразднуем, — согласился Денис.

Он сел в Роллс-Ройс.

Впервые в этом мире — на своё место.

Глава 4

Пропавший

Пентхаус пах свежим ремонтом. Штукатуркой, лаком и утренним кофе, который Ильдар варил внизу, в трёхсотметровой, и таскал наверх в стеклянном термосе, потому что «так надо, босс, так положено».

Денис стоял у панорамного окна и смотрел, как внизу медленно, слоями, как тесто, двигается Москва. Ему нравилось. Здесь было тихо. И никто не смотрел.

За неделю всё устоялось. Паспорт лежал в тумбочке. Карта — в кармане. Роллс стоял под домом, Гелендваген — тоже, пацана Ильдара — того, с папкой, — звали Руслан, и он теперь носил не биту, а ежедневник, в который записывал всё, что Денис говорил. Денис первое время пытался понять, зачем, потом махнул рукой. Ильдар сказал: «Не мешай. Он растёт». И Денис не мешал.

А ещё был Барсик. Кот переехал. Не сам, конечно, — Ильдар привёз его на Гелендвагене, в переноске, с серьёзным видом, будто кота везли на аудиенцию. Барсик обнюхал пентхаус, посмотрел на город внизу с высоты шестидесятого этажа и улёгся на подоконник. С тех пор он там и жил. Смотрел. Думал. Как будто тоже понимал, что случилось что-то

важное.

В дверь позвонили в десять утра.

Денис не двинулся — дверь открывал Ильдар. Послышались голоса: сначала спокойный, Ильдаров, потом взволнованный, женский. Потом — шаги. Ильдар вошёл первым.

— Денис, — сказал он. — Тут женщина. Из соседнего дома. Ей сказали, что ты можешь помочь.

За ним вошла женщина. Лет пятидесяти. Круглая, в лёгком кардигане цвета морской волны, с сумкой на плече и глазами человека, который не спал ночей десять. Она остановилась на пороге гостиной и замерла — то ли от вида пентхауса, то ли от вида Дениса, который стоял у окна, молодой такой, в белой футболке, что-то держал в руке — не поймёшь, что.

— Здравствуйте, — сказала она тихо.

— Здравствуйте, — Денис кивнул. — Садитесь. Ильдар, кофе.

— Не надо кофе, — женщина села на диван, положила сумку на колени. — Мне бы... Мне бы просто поговорить.

— Говорите.

Ильдар бесшумно ушёл на кухню. Он теперь умел быть бесшумным. Это тоже было новое.

Женщина помолчала. Потом заговорила — медленно, как будто каждое слово тянула из себя клещами.

— Меня зовут Наталья Сергеевна. Я из дома напротив. Вон, — она махнула рукой на окно, — восемнадцать этажей, третий подъезд. У меня сын. Артём. Двадцать два года.

Студент. Хороший мальчик. Учится в Бауманке, четвёртый курс. — Она запнулась. — И он пропал.

Денис молчал.

— Две недели назад, — продолжила Наталья Сергеевна. — Я вернулась домой — его нет. Телефон выключен. Друзья говорят — не видели. В полиции заявление приняли. — Она снова замолчала. — Две недели. Две недели, Денис. Я не сплю. Я не ем. Я хожу по улицам и смотрю в лица. Две недели.

Денис смотрел на неё.

— А ко мне-то почему? — спросил он.

— Потому что, — Наталья Сергеевна посмотрела на него и вдруг улыбнулась, — мне сказали, что вы — настоящий. Понимаете? Мне все говорили: иди к экстрасенсам, они за деньги всё найдут. Я ходила. К двоим. Одни сказали — он сбежал, вторые — он мёртв, третьи — он у чёрной женщины, которая наводит порчу. — Она снова улыбнулась, но уже горько. — А вчера Ильдар Русланович мне говорит: не к ним иди. Иди к Денису. Он — настоящий.

Денис обернулся к Ильдару — тот стоял в дверях кухни с двумя чашками чая в руках, и вид у него был такой, будто его поймали на воровстве.

— Ильдар.

— Что? — Ильдар поставил чашки на стол. — Ну. Это правда. Ты — настоящий. Я же видел.

— Он видел, — сказала Наталья Сергеевна.

— Ильдар, — Денис помолчал, — это ты её позвал?

— Ну а кого? — Ильдар развёл руками. — Ты сидишь дома, смотришь в окно, кота гладишь. Соседям помочь — по-человечески. По-соседски. По-нашему. — Он помолчал. — А ещё, Денис, — извини, я тебе не говорил, — я тебе уже рекламу сделал. Ну, не рекламу. Сарафанное радио. По двору. Мол, есть человек. Помогает. Не за так. Но помогает.

— Что-то мне это нравится всё меньше, — сказал Денис.

— А я тебе давно говорил: ты найдёшь себе дело, — Ильдар выпил свой чай целиком. — И вот. Дело нашлось. Наталья Сергеевна, рассказывайте. Денис вас слушает.

Денис посмотрел на него. Ильдар смотрел на Дениса. У Ильдара было лицо человека, который впервые за много лет делает что-то хорошее и боится, что его за это поругают.

Денис вздохнул.

— Хорошо. — Он сел напротив женщины. — Рассказывайте подробнее. Что он делал в последний месяц? С кем встречался? Куда ходил?

Наталья Сергеевна вынула из сумки блокнот. Ильдар уже приготовился записывать — с ежедневником, с ручкой, с серьёзным лицом.

— Значит, так, — начала она. — Последний месяц он был... странный.

— В каком смысле?

— В хорошем. — Наталья Сергеевна улыбнулась. — Он влюбился.

Денис остановил руку Ильдара, который уже начал что-то писать.

— Влюбился?

— Да. — Она снова улыбнулась — впервые за неделю без горечи. — В девочку. Катю. Тоже из Бауманки. Они познакомились месяца два назад. И всё. Он стал... — она поискала слово, — светиться. Понимаете? Ходит по квартире, улыбается, чай себе заваривает. Я ему: «Артём, ты чего?» А он: «Мама, я счастлив». Я в первый раз это от него услышала. Двадцать два года — и в первый раз.

— Хорошо. Что дальше?

— Дальше — вот. — Наталья Сергеевна снова помрачнела. — Две недели назад он не пришёл домой. Полиция говорит: возраст взрослый, заявление есть, ищем. Друзья говорят — он им не писал. Катя — я ей звонила — говорит, что тоже ничего не знает. Не пишет ей, не отвечает. Её родители — тоже в шоке, они тоже её ищут. — Она помолчала. — Вот так. И вот теперь я у вас.

Денис сидел. Смотрел в окно. Внизу тянулась Москва. Он не понимал, за что схватиться. В его мире пропажа человека решалась просто: по следу, по крови, по магии, по запаху, по руке, по имени. Здесь всё было не так. Здесь был телефон, который отключён. Друзья, которые ничего не знают. И девушка, которая сама пропала.

— Ильдар, — сказал он.

— Что?

— Ты сказал, что я настоящий. Хорошо. Значит, я настоящий. Значит, — он посмотрел Наталье Сергеевне прямо в глаза, — я найду.

Наталья Сергеевна заплакала. Молча, некрасиво, обеими руками, как плачут уставшие женщины. Ильдар подал ей салфетки. Денис встал. Подошёл к окну, положил руку на стекло. За стеклом был город. За городом — ничего. Но где-то в этом городе был Артём. Двадцать два года. Счастливый. И где-то рядом — Катя. И надо было их найти.

Денис закрыл глаза.

Он потянулся — не глазами, не ушами, а тем самым, что у него всегда было. Плёнкой магии, которую он разливал когда-то по воздуху. Здесь она была тонкая, но была. Он потянул её на себя — по имени: **Артём. Артём. Артём.**

Плёнка не отвечала. Мёртвая, как бумага.

Он потянул громче — **Катя. Катя. Катя.**

Пусто.

Но на самом краю, где-то далеко, что-то отозвалось. Не голосом. Просто — отозвалось. Как будто там, откуда Денис тянул, сидело живое и знало, что его ищут. И это живое было очень, очень далеко. И — если Денис правильно понял привкус на языке — очень, очень солёное.

Денис открыл глаза.

— Ильдар.

— Что?

— Скажи, что такое «Бали»?

Ильдар замер.

— Что? — переспросил он.

— Бали. Скажи, что это.

Ильдар посмотрел на Наталью Сергеевну. Наталья Сергеевна посмотрела на Ильдара. Оба посмотрели на Дениса.

— Это остров, — сказал Ильдар медленно. — В Индонезии. Океан. Пальмы. Пляжи. — Он помолчал. — Денис, ты чего?

— Океан, — повторил Денис. — Соль. Пальмы. Пляжи. Он развернулся к Наталье Сергеевне.

— Ваш сын, — сказал он. — Он не пропал. Он на Бали.

Наталья Сергеевна открыла рот.

— На Бали?

— На Бали.

— С чего вы... — она не договорила.

— С того, — сказал Денис, — что я его чувствую. Не прямо. Далеко. Но чувствую. Он там. И не один. Там ещё кто-то есть. Рядом с ним. Женщина, наверное.

— Катя? — прошептала Наталья Сергеевна.

— Может быть. — Денис сел. — Ильдар.

— Да?

— Ищи. Телефоны, соцсети, что там у вас. Проверь авиабилеты. Проверь — покупал ли он туда билет. Две недели назад. Один билет или два.

Ильдар уже стоял с телефоном. Набирал кого-то. Через минуту он поднял на Дениса глаза.

— Денис.

— Что?

— Два билета. На имя Артёма Волкова и Екатерины Ильиной. Прямой рейс. Четырнадцать дней назад. Москва — Денпасар.

Наталья Сергеевна вскрикнула. Ильдар подскочил к ней и удержал за плечи.

— Он уехал, — сказала она. — Он просто уехал. Не позвонил. Не сказал. Просто уехал.

— Просто уехал, — подтвердил Денис.

— Но зачем?

Денис посмотрел на неё и в первый раз за всё утро улыбнулся.

— Наталья Сергеевна. Он влюбился. В двадцать два. В первый раз. И уехал с девушкой на Бали. Он не думал. Он не мог думать. Он счастлив. Он видит океан. Он смотрит на неё. И весь остальной мир — Москва, Бауманка, вы, телефон, дверь, чай на кухне — всё это для него сейчас не существует. Совсем.

Наталья Сергеевна смотрела на него.

Долго.

А потом засмеялась.

Она не могла остановиться. Она смеялась и плакала одновременно, и Ильдар неуклюже жал ей руку, и Руслан, тот, что с ежедневником, тихо вышел и вернулся с водой, и Барсик прыгнул с подоконника и улёгся у её ног.

— Значит, — сказала она сквозь слёзы, — он просто на Бали.

— На Бали.

— И с ним Катя.

— И с ней Катя.

— Значит, всё хорошо.

— Всё хорошо.

Наталья Сергеевна ещё раз всхлипнула. Потом посмотрела на Ильдара.

— Ильдар Русланович, — сказала она. — А телефон у него почему выключен?

— Телефон, — сказал Ильдар, — скорее всего, утонул в океане. Или разбился. Или остался в номере, пока они... — он запнулся, — гуляли.

— Гуляли, — согласилась Наталья Сергеевна. — Гуляли.

Она встала. Поправила кардиган. Взяла сумку. Подошла к Денису.

— Сколько я вам должна? — спросила она.

Денис посмотрел на неё. Потом на Ильдара. Ильдар пожал плечами — мол, сам решай.

— Нисколько, — сказал Денис.

— Как нисколько? Вы помогли мне.

— Нисколько, — повторил Денис. — Это первый раз. Первый — бесплатно.

Наталья Сергеевна посмотрела на него. И вдруг поняла что-то, что ей не хотелось понимать.

— А дальше? — спросила она тихо.

— А дальше, — сказал Денис, — мне придётся брать деньги. Потому что иначе люди не поверят. Понимаете? Люди не верят бесплатному. Люди верят тому, что дорого стоит.

Наталья Сергеевна помолчала. Потом кивнула.

— Правильно, — сказала она. — Я бы тоже не поверила, если бы мне сказали «бесплатно». — Она взяла его руку и сжала. — Спасибо. Спасибо вам.

Она ушла. Ильдар закрыл за ней дверь. Вернулся в гостиную. Сел на диван. Посмотрел на Дениса.

— Ты умеешь, — сказал он.

— Что?

— С людьми. Умеешь.

Денис не ответил. Он смотрел на Барсика, который вернулся на подоконник и опять уставился на город.

А Ильдар, помолчав, добавил:

— Слушай. Пока тебя не было, — ну, не было, ты сидел, в окно смотрел, — мне вот что передали. На Арбате. Есть там салон. «Магия судьбы». Держит некая Ясмина. Клиенты — половина Москвы. Цены — космос. Раньше все, кто что-то искал, шли к ней. Теперь — пару дней как — пошли слухи. Что появился «настоящий». — Он помолчал. — Ясмина это слышала.

— И?

— И она хочет с тобой поговорить.

Денис посмотрел на Ильдара.

— Кто такая Ясмина?

— Экстрасенс, — сказал Ильдар. — Из тех, кто всё врёт.

— А она точно врёт?

Ильдар подумал.

— На девяносто девять процентов, — сказал он. — А один процент — врал, но на публику, так, чтобы никто не заметил, что она — не врёт. Такие люди бывают.

— Значит, она — настоящая? — спросил Денис.

— Не знаю, — сказал Ильдар. — Знаю только, что она позвала.

Денис посмотрел в окно. Москва тянулась вдаль. Где-то там, на Арбате, сидела женщина и знала, что где-то в этом городе есть кто-то, кто не врёт. И это её не радовало.

— Ильдар.

— Что?

— Когда?

— Завтра, — сказал Ильдар. — Отвезу.

— Отвези, — сказал Денис. — И вот ещё что.

— Да?

— Ищи мне клиентов. Только таких, кого не жалко. Ладно?

— Жалко — это как? — не понял Ильдар.

— Жалко — это когда помочь нельзя, — сказал Денис.

— А не жалко — это когда помочь приятно. Вот таких ищи.

Ильдар хмыкнул. Открыл ежедневник. И записал. Как всегда. А Денис сел рядом с Барсиком на подоконник. И по-

смотрел на город. И почему-то ему было хорошо. Первое доброе дело в Москве. Первый клиент. Первый настоящий день.

А завтра — Арбат. И женщина по имени Ясмина.

Глава 5

Арбат

Салон Ясины назывался «Магия судьбы» и выглядел так, будто его собирали два человека: один очень богатый, а второй — очень тревожный.

Изнутри — бархат. Тёмно-красный, плотный, везде. Свечи — настоящие, восковые, сотни. Тяжёлые кисти на портьерах. Три хрустальных шара на подставках из тёмного дерева. Зеркала в тяжёлых рамах, которые делали комнату глубже, чем она была. Пахло ладаном, деревом и — чуть-чуть — чужими деньгами.

Снаружи — вывеска с золотыми буквами. Дверь с бронзовой ручкой в виде змеи. Швейцар — не охранник, а именно швейцар, в костюме, с лицом человека, который сто раз видел, как люди платят за надежду.

Ильдар остановил Роллс у тротуара. Вышел первым. Открыл Денису дверь.

— Приехали, — сказал он. — Денис.

— Что?

— Она позвала свидетелей.

— Кого?

— Прессу. Блогеров. Клиентов. Половину Арбата. —

Ильдар поморщился. — Это не разговор. Это спектакль.

Денис вышел. Посмотрел на вывеску. Потом на Ильдара.

— Спектакль — это хорошо.

— Почему?

— Потому что в спектакле я не главный. Главный — зритель. А зритель всегда верит тому, что сам увидел, а не тому, что ему сказали.

Ильдар хмыкнул. Он не понял. Но запомнил. Он всегда запоминал.

— Ладно, босс. Пошли.

Дверь открылась сама — разумеется, не магически, за ней стоял мальчик-помощник в белых перчатках. Он поклонился. Провёл их по коридору, мимо зеркал и портьер, в большой зал.

Зал был полон.

Двадцать, может, тридцать человек. Женщины в шёлке, мужчины в дорогих пиджаках, двое блогеров с телефонами на штативах, одна журналистка с блокнотом, ещё кто-то — просто любопытные с деньгами. На стульях, расставленных полукругом. Все — молча, все — смотрели.

По центру зала — два кресла. Одно — с высокой спинкой, в нём сидела женщина. Второе — напротив, пустое.

Женщина была эффектная. Лет сорока пяти. Длинные тёмные волосы с проседью — седая прядь одна, аккуратно, специально. Платье чёрное, длинное, гладкое. Кольца на пальцах — не по одному, а по три, по четыре. Глаза спокой-

ные, внимательные, как у бухгалтера, который видит всё.

Она встала, когда Денис вошёл. Улыбнулась.

— Денис, — сказала она. Голос был глубокий, поставленный — актриса. — Ясмина. Наконец-то.

— Здравствуйте, — сказал Денис.

Он подошёл. Не торопясь. Оглядел зал. Оглядел людей. Оглядел свечи. И — сел в пустое кресло. Не так, как садятся на спектакль. А так, как садятся домой, к себе на диван.

Ясмина чуть приподняла бровь.

— Вы не спросили, зачем я вас позвала.

— Мне сказали — поговорить.

— Поговорить. — Она улыбнулась шире. Еле заметно, кончиками губ. — Денис. Скажу прямо. В Москве есть рынок. Я на нём — двадцать лет. Я знаю всех. Я знаю, кто что умеет, кто чего не умеет, кто на что способен и кто чего боится. И вдруг, — она развела руками, — появляется человек. Из ниоткуда. Без истории. Без прошлого. Без клиентов. И через две недели о нём говорят больше, чем обо мне за год. Как вы думаете, как я к этому отношусь?

— Нормально, — сказал Денис.

— Нормально?

— Нормально. — Денис пожал плечами. — Если появляется кто-то, кто делает хорошо, — люди идут к нему. Если плохо — не идут. Вы сами выбрали себе дело. Вы должны знать правила.

В зале кто-то тихо ахнул. Ясмина не изменилась в лице.

Ни на секунду.

— Правила, — повторила она. — Хорошо. Тогда я предложу вам правила. — Она оглянулась на зал, как ведущая на сцене. — Сегодня у нас, — она обвела рукой присутствующих, — гости. Некоторые из них — мои клиенты. Некоторые — просто свидетели. Я хочу, чтобы они увидели одно простое дело. — Она посмотрела на Дениса. — Дело в том, что это — не разговор. Это — состязание.

Денис молчал.

— Дуэль, — сказала Ясмина. — Так это называется. Мы с вами берём по одному делу. Одно и то же дело. То же самое. И решаем его перед свидетелями. Кто решит лучше — тот и остаётся на рынке. А кто решит хуже — тот уезжает. Куда хотите. В свой Псков. В свой Бали. Куда угодно.

Ильдар у двери напрягся. Один из блогеров вынул телефон. Журналистка подняла блокнот.

Денис сидел.

Он смотрел на Ясмину. Долго. Потом посмотрел на зал. На свечи. На хрустальные шары. И понял вдруг что-то, что Ильдар ему объяснял по-своему, а он не понимал: тут играют не в магию. Тут играют в *сцену*. Эта женщина — не волшебница. Она — режиссёр. И она вызвала его не потому, что он сильнее. А потому, что он не умеет играть.

Ему и правда не нужно было играть.

— Что за дело? — спросил он.

Ясмина улыбнулась по-настоящему. Наконец-то.

— У нас тут, — она указала в сторону, — есть молодая женщина. Её зовут Вера. Она пришла ко мне вчера. Через две минуты она выйдет сюда. Она очень простая. Никакой мистики. У неё пропала кошка.

В зале кто-то хмыкнул.

Денис кивнул.

— Кошка.

— Кошка. Пропала три дня назад. Не выходит из головы. Вера её ищет. Плачет. Кошку зовут Мурка. Вот и всё. — Ясмина откинулась в кресле. — Мы с вами по очереди выйдем к Вере и скажем ей, где её кошка. Кто угадает — тот победил. Кто промахнётся — проиграл.

— Это же невозможно, — сказал кто-то из зала.

— Возможно, — сказала Ясмина мягко. — Просто это очень трудно.

Денис не ответил. Он смотрел в пол. И думал.

Не о кошке.

О том, что эта женщина поставила задачу, которую невозможно решить честно. Никакая магия не найдёт кошку в Москве по имени «Мурка». Их тысячи. Это — лотерея. И Ясмина это знает. И выбрала специально. Потому что в лотерее выигрывает тот, у кого зрители поверят. А зрители поверят *ей*. Она актриса. Она умеет играть в чудеса. А он — не умеет.

Вот в чём смысл её хода.

Денис поднял глаза.

— Хорошо, — сказал он.

— Хорошо? — Ясмина чуть склонила голову. — Вы согласны?

— Согласен.

Ильдар у двери закрыл лицо рукой.

— Тогда начнём, — сказала Ясмина и щёлкнула пальцами.

Вера оказалась обычной. Совсем## её воображал Денис. Лет тридцати. Худая. В спортивной куртке и кроссовках, с матерчатой сумкой на плече. Глаза красные. Платок в кармане — уже мокрый. Она остановилась в центре зала, растерянно огляделась, увидела столько людей, замерла. И заплакала тихо, беззвучно, самыми обычными слезами обычного человека.

— Здравствуйте, — сказала она никому.

Ясмина поднялась. Плавно. Подошла к ней. Взяла за руку. Улыбнулась.

— Вера, милая. Не бойтесь. Мы вам поможем.

Вера посмотрела на неё.

— Правда?

— Правда. — Ясмина повела её на середину зала. — Скажите всем нам: что случилось?

Вера сглотнула.

— Мурка пропала. Три дня назад. Я пришла с работы, а её нет. Она обычно дома, на диване. Я везде искала. Во дворе. В подъезде. В подвале. Объявления клеила. — Она вытерла

нос. — Никто не видел.

— А что за кошка?

— Обычная. Дворовая. Рыжая. Я её в прошлом году подобрала. Она у меня... — Вера запнулась, — она у меня как ребёнок. Я одна живу. Родители — в Твери. Работы толком нет. Только Мурка. — Она снова заплакала. — Извините.

Ясмина посмотрела на зал. Потом на Дениса.

— Ну что ж, — сказала она. — Кто первый?

Денис смотрел на Веру.

Ясмина улыбнулась, будто ждала этого.

— Разрешите мне, — сказала она.

Она повернулась к Вере. Взяла обе её руки в свои. Закрывала глаза. Подышала. В зале стало тихо.

— Вижу, — сказала Ясмина глубоким, красивым, спокойным голосом. — Вижу тёмное помещение. Подвал. Или гараж. Очень близко. Несколько метров от вашего дома. Там стоит машина. Красная. Мурка сидит под машиной. Она испугалась. Она не может выйти. Она... — Ясмина выдержала паузу, — она вас ждёт.

Вера вскрикнула.

— Правда? Она жива?

— Жива, — сказала Ясмина. — Подвал. Рядом с вашим домом. Метрах в десяти от подъезда. Красная машина.

В зале кто-то зааплодировал. Журналистка что-то строчила. Блогер снимал.

Ясмина повернулась к залу, к Вере — торжествующе. И

только потом — к Денису.

— Ваша очередь, — сказала она мягко.

Денис встал.

Он не стал подходить к Вере. Он вообще не смотрел на неё. Он смотрел — в зал. На людей. На свечи. На зеркала. На блогера. На журналистку. На женщину в шёлке, которая замерла в ожидании. На Ясмину.

И тогда он сделал то, что сделал бы любой волшебник, у которого отняли кошку, отняли сцену, отняли веру, — он не стал доставать из воздуха чудо. Он достал из воздуха скуку. Простое, ровное, обыкновенное нежелание играть.

— Вера, — сказал он.

Вера посмотрела на него.

— Ваша Мурка жива.

— Правда? — Она шагнула к нему. Прямо в центр зала.

— Правда. И она не подвала. И не гараж. И не рядом с вашим домом. — Денис помолчал. — И не в десяти метрах.

Ясмина чуть сдвинулась в кресле. Только теперь. Впервые за вечер.

— Вера, — продолжил Денис. — Ваша Мурка — в другом месте. Она далеко. И — знаете, что я вам скажу? — вы это знаете сами.

Вера замерла.

— Что?

— Вы её слышали. — Денис смотрел на неё прямо. — Вчера ночью. Сегодня утром. Вы её слышали.

Вера побледнела.

— Откуда...

— Вы её слышали, — повторил Денис. — Не во сне. На-
яву. Вы шли по улице, и вам показалось, что из окна — вот из
этого — мяукнули. Или из подъезда напротив. Или со дво-
ра. Вы остановились, прислушались. И не пошли проверять.
Потому что вам показалось. — Он помолчал. — А она —
там.

Вера стояла. Руки у неё дрожали.

— Я... я действительно слышала, — прошептала она. —
Ночью. Сегодня. Я вышла в подъезд. Мне показалось — из
соседней квартиры.

— Не из соседней, — сказал Денис.

Он шагнул вперёд.

— Идите домой. Прямо сейчас. Не оборачивайтесь. Не ду-
майте. Придите — и обойдите двор. Не спеша. Медленно.
Слушайте. Мурка там. Вы её найдёте.

Вера смотрела на него. Потом — на Ясмину. Потом —
снова на Дениса.

— Она жива? — спросила она шёпотом.

— Жива.

— Я её найду?

— Найдёте.

Вера выбежала.

Она не попрощалась, не поблагодарила — просто развер-
нулась и вылетела из зала, в чём была. В зале стояла тишина.

Ясмина медленно встала.

— Денис, — сказала она. — Это было... интересно.

— Спасибо.

— Вы понимаете, что вы ничего не сказали?

— Я сказал.

— Вы сказали что-то расплывчатое. Вы дали ей метафору.

Вы... — она улыбнулась, но улыбка треснула, — вы дали ей *саму себя*. А не адрес.

— Адрес я не знаю, — сказал Денис просто.

Зал ахнул. Кто-то засмеялся. Кто-то зааплодировал — не потому, что он выиграл, а потому, что был честным.

Ясмина смотрела на него долго.

И вдруг Денис понял, что она смотрит не на него. Она смотрит *сквозь* него. Туда, где нет ни зала, ни свечей, ни арбатских зеркал, ни Веры, ни Мурки. Она смотрела туда, где всегда смотрела, — но впервые ей стало не всё равно, что она там видит, и не всё равно, что она не видит Дениса. Он был не там. Он был *здесь*. Настоящий. В комнате. И это было единственное, чего она в своей двадцатилетней жизни не смогла сыграть.

Она села обратно. Сложила руки.

— Идите, — сказала она тихо. — Пожалуйста.

— Хорошо.

Денис встал. Обернулся. Ильдар ждал его у двери. Зала шумела. Блогер что-то кричал своей аудитории. Журналистка писала. Кто-то из клиентов Ясины тянул телефон и уже

искал номер Дениса.

Ильдар открыл ему дверь. Они вышли.

Улица. Арбат. Полдень. Солнце. Гитарист с гитарой. Двое детей на самокатах.

Ильдар шёл рядом.

— Ты чего сделал-то? — спросил он.

— Я не знаю, где была кошка, — сказал Денис.

— А она?

— Она тоже не знает.

Ильдар остановился.

— Тогда... тогда кто выиграл?

Денис посмотрел на него. И улыбнулся — легко, широко, впервые за весь день.

— Вера, — сказал он. — Вера выиграла. Она найдёт Мурку.

— Как?

— Сама. Я просто сказал ей, что она может.

Ильдар стоял. Молчал. Думал. И вдруг засмеялся. Громко. На весь Арбат. На него обернулась женщина с собакой.

— Слушай, — сказал Ильдар. — Я, кажется, начинаю тебя понимать.

— Это хорошо, — сказал Денис. — Теперь звони Ясмине.

— Зачем?

— Скажи ей, что она может приходить на чай. Ко мне. В пентхаус. Завтра. В любое время.

Ильдар замер.

— Ты чего?

— Она не мошенница, — сказал Денис. — Она — играет. Ты говорил, что она девяносто девять процентов врёт.

— Ну.

— Значит, один процент — не врёт. Я хочу поговорить с тем процентом.

Ильдар посмотрел на него.

И набрал номер.

А вечером, ближе к десяти, к Денису на телефон пришло сообщение. Незнакомый номер. Одно предложение. Без подписи.

«Нашла. Сидела под машиной. Не красной. Серой. Спасибо».

Денис прочитал. И положил телефон на стол.

Барсик спал на подоконнике. Москва горела тысячами окон. Ильдар внизу, у себя, смотрел сериал про бандитов и ругался, что «всё не так в жизни».

А на столе, рядом с телефоном, лежала визитка. Из тех, что раздавались в зале. Белая, плотная. С одной стороны — золотая надпись: «Магия судьбы». С другой, от руки, чуть дрожащей ручкой:

«Завтра в пять. Ясмина».

Денис посмотрел на неё. Взял. Положил в карман. И сел рядом с Барсиком у окна — смотреть на город, в котором у него наконец-то началось что-то настоящее.

Глава 6

Клиент

Ясмина пришла в пять. Ровно. Без свиты, без помощников, без бархата.

Чёрный костюм, простые серьги, волосы убраны. В руках — небольшая сумка. У входа сняла туфли, не спрашивая. Прошла за Ильдаром в гостиную, посмотрела в окно на Москву, потом на Дениса, потом на Барсика на подоконнике.

— Кот, — сказала она.

— Барсик, — сказал Денис.

— Он главный?

— Он старший.

Ясмина улыбнулась — впервые без расчёта. Села в кресло. Ильдар принёс чай — поставил две чашки и отошёл к двери. Ясмина заметила его манёвр. Отметила. Ничего не сказала.

— Денис, — сказала она. — Я пришла без публики. Понимаете, что это значит?

— Да.

— Я хочу поговорить честно.

— Говорите.

Ясмина поставила чашку. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Я двадцать лет в этом деле, — сказала она. — Я видела

десятки «настоящих». Они приходили. Все. Психики, ясно-видцы, потомственные целители, люди с родовыми дарами, люди из ниоткуда. Все они — сцена. Если ты умеешь говорить красиво, держать паузу и попадать в человека — ты выиграл. Это театр. И я в этом театре — прима.

Денис молчал.

— Но вы — не театр, — сказала Ясмина. — Вчера вы сделали что-то, чего я не поняла. И я не понимаю это до сих пор. Вы не сказали адрес. Вы не сделали так, чтобы кто-то заплодировал. Вы просто открыли в Вере то, что в ней уже было. Люди ответят: «ну, повезло», «ну, наводка», «ну, психология». Я так не отвечу. Я двадцать лет вижу, что такое «психология». То, что было вчера, — не психология.

Она помолчала.

— Что вы такое?

Денис смотрел на неё.

Долго.

А потом сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он не стал уходить от ответа. У него было два пути: врать — как врал всем, «провинциал», «наследство от деда», — или сказать не всё, но не соврать.

— Я приезжий, — сказал он. — Я не из этого города.

Ясмина кивнула — это она уже знала.

— И не из этой страны, — добавил Денис.

Ясмина молчала.

— Я не из этого мира, — сказал он совсем тихо.

Ильдар у двери выпрямился.

Ясмина сидела. Ничего не изменилось в её лице. Она отпила чай. Поставила чашку.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, что не стали врать.

— Вы верите?

— Не знаю, — сказала Ясмина честно. — Но я верю, что вы в это верите. Это уже больше, чем всё, что я видела за двадцать лет.

Она встала.

— У меня к вам дело.

— Одно? — спросил Денис.

— Одно. Но не из тех, что ищут кошку. — Она вынула из сумки телефон, посмотрела на время. — Через час сюда придет человек. Я дала ему ваш адрес. Не спрашивайте, откуда я его взяла. Считайте, что это мой первый подарок вам. Он придет, потому что через меня. Не через Ильдара. Через меня. Это важно.

— Почему?

— Потому что на него нельзя смотреть как на соседа. — Ясмина застегнула сумку. — Это не Наталья Сергеевна. Это не Вера. Это человек, у которого деньги, связи и очень мало страха. И у него есть вопрос, на который он хочет ответ *сегодня*.

— Кто он?

— Его зовут Антон Игоревич Ремизов. Владеет несколь-

кими компаниями. Строительство. Логистика. Недвижимость. — Ясмина помолчала. — На публике не светится. В газетах не пишут. У него хорошие адвокаты, хорошая жена, трое детей, две квартиры. И один вопрос.

— Какой?

— Он не знает, кто из его партнёров его сдаёт. — Ясмина посмотрела на Дениса. — Я не знаю подробностей. Я не спрашивала. Он сам расскажет. Я только передала: есть человек, который может ответить.

— Вы сказали ему, что я — настоящий?

— Я сказала ему, что вы — не такой, как все. — Ясмина улыбнулась. — Это правда. Больше ничего. Он сделает выводы сам.

Она пошла к двери. Уже на пороге обернулась.

— Денис. Постарайтесь понять одну вещь. — Она посмотрела на него, и в первый раз за всё время в её глазах появилось что-то похожее на жалость. — Когда вы нашли кошку для Веры — это была правда. Правда, которую никто не увидел. С этим человеком будет иначе. Он *увидит*. И потом уже не отстанет. Он не тот, кому можно сказать «да» и уехать. Он не тот, кто забудет. — Она выдохнула. — Если он поймёт, кто вы, — вы станете его. Он вас купит. Деньгами, связями, людьми. Он всегда покупает.

— А если я не продаюсь?

— Тогда он купит кого-то рядом с вами. — Ясмина бросила взгляд на Ильдара. — Всегда рядом есть кто-то.

Ильдар молча смотрел на неё. Ничего не сказал.

Ясмина ушла.

Ремизов приехал через час.

Не как бизнесмен. Как охотник. Вошёл тихо. Оглядел пентхаус — не с завистью, а с оценкой. Снял пальто. Не подал его никому — сложил сам, аккуратно, перекинул через спинку кресла. Сел в кресло — не в то, где сидела Ясмина, а в то, где вчера сидел Денис. Оценил. Улыбнулся чему-то своему.

Лет пятидесяти. Седой, коротко стриженный. Серый костюм без логотипов. Часы — дорогие, но не выпендрёжные. Глаза серые, спокойные, как у врача. Он смотрел на Дениса так, как смотрят на нового сотрудника: интересно, но недоверчиво.

Ильдар стоял у двери. Ремизов на него даже не посмотрел. Ни разу. Это было заметно — Ильдар заметил сам. Он в первый раз в жизни понял, что его не замечают. И не обиделся. Запомнил.

— Денис Сергеевич, — сказал Ремизов. Голос мягкий, ровный. — Антон. Мне вас рекомендовали.

— Здравствуйте.

— Не будем терять время. — Ремизов сел удобнее, положил телефон на стол экраном вниз. — Я не верю в магов. Извините. У меня на них аллергия. Двадцать лет мне звонят разные люди и обещают счастье за деньги. Я им плачу. Я им не верю. Но иногда — иногда — среди них попадаются те,

кто может говорить конкретно. Не «вижу воду». А «вторник, шесть вечера, Мясницкая, третий этаж». Понимаете разницу?

— Понимаю.

— Хорошо. — Ремизов чуть наклонился вперёд. — Тогда конкретно. У меня четыре партнёра. Четверо. Мы вместе двенадцать лет. Мы построили всё. Всё, что у нас есть. Но полгода назад у меня начались утечки. Конкуренты получают мои цены. Мои поставщики уходят. Мои клиенты знают мой ход на неделю раньше меня. — Он помолчал. — Двое уже отработали. Один — я думаю, не виноват. Остаются двое. Кто-то из них — стучит. Я хочу знать кто.

Денис молчал.

Он смотрел на Ремизова. И понимал, что видит перед собой первый раз в жизни не человека с бедой, а человека с силой. Ясмина права. Это не Наталья Сергеевна. Это не Вера. Тут нельзя «открыть в нём то, что уже есть». Тут надо дать *факт*.

— Сколько у вас времени? — спросил Денис.

— Сегодня. — Ремизов улыбнулся. — У меня всегда — сегодня.

— Имена.

— Николай. Олег. Оба — со мной двенадцать лет.

— Что мне нужно сделать?

— Что хотите. — Ремизов развёл руками. — Я не знаю вашей техники. Мне всё равно. Мне нужен ответ.

Денис встал. Подошёл к окну. Положил руку на стекло.

Он не стал закрывать глаза. Не стал становиться в позу. Не стал ничего изображать — потому что Ясмина была права: с этим человеком играть нельзя. Он видит игру. Он в ней живёт.

Денис просто потянулся.

Плётка магии в этом мире была тонкая, как паутина, но она была. Он развернул её медленно — не как тогда, когда искал Артёма и Катю, а иначе. Не по имени человека, а по имени дела. По слову «утечка». По сути: *кто сдаёт Ремизова*.

Плётка пошла. Легко. Странно легко, как будто в этом мире она только и ждала, чтобы её развернули именно так. И натянулась в одну сторону. На одно имя.

Денис не ожидал этого. Он думал, будет шатко, расплывчато. А получилось — прямо, как будто кто-то в музыке подал одну ноту.

Он обернулся.

— Николай, — сказал он.

Ремизов не изменился в лице.

— Уверены?

— Да.

— Почему Николай?

— Не знаю, — сказал Денис честно. — Я знаю, что не Олег. И что это — Николай. Больше — не знаю.

Ремизов смотрел на него долго. Дольше, чем нужно. Как

будто взвешивал. Потом встал. Взял телефон. Пальто. Посмотрел на Дениса.

— Если вы правы — я вам заплачу больше, чем вы думаете. — Он помолчал. — Я проверю. Не сомневайтесь. Если правы — у вас будет работа. Много работы. Если ошиблись — вас не будет.

Он уже пошёл, и на пороге сказал — не оборачиваясь:

— Ясмина сказала, что вы не такой, как все. Похоже, она права. Но вы поймите, Денис Сергеевич. — Тут он обернулся. И глаза были уже не серые, а чёрные. — Не такой, как все — это опасно. Особенно в Москве. Особенно — когда у вас есть что сказать.

Ушёл.

Дверь закрылась. Ильдар подошёл к Денису.

— Он угрожал?

— Нет.

— Тогда что это было?

— Это было приглашение, — сказал Денис. — Меня позвали играть в другую игру. И уйти уже нельзя.

Ясмина позвонила через два часа.

— Ну? — сказала она.

— Николай, — сказал Денис.

Долгое молчание на другом конце.

— Вы поняли, что вы сейчас сделали? — спросила Ясмина тихо.

— Понял.

— Нет, вы не поняли. — Она впервые за всё время говорила не как артистка, а как человек. Настоящий. Испуганный. — Денис. Я двадцать лет вожу руками перед клиентами. Я сажаю свечи. Я говорю красивые слова. Я даю людям то, что они хотят услышать. Мне платят — и уходят. И знаете почему? Потому что никто никогда не получал от меня *правды*. Правда — это то, что нельзя вернуть. Правда — это то, за что убивают. Вы сейчас дали правду человеку, у которого четыре партнёра и сотни миллионов. Через десять дней один из этих партнёров — Николай — потеряет всё. Вы понимаете, что он с вами сделает?

— Нет, — сказал Денис.

— Ничего, — сказала Ясмина. — Он сначала ничего. Он пришлёт к вам сначала кого-то. Поговорить. Потом — кого-то другого. Поговорить жёстче. А потом — он просто придет сам. И вы уже будете не решать — отвечать или нет. Вы будете решать — *что* ему ответить, чтобы он уехал.

Денис молчал.

— Я вас предупреждала, — сказала Ясмина. — Я же предупреждала.

— Предупреждали.

— Ладно. — Она выдохнула. — Что вы теперь будете делать?

Денис посмотрел на Ильдара. Ильдар стоял рядом, с ежедневником, готовый записывать. Руслан сидел у окна с телефоном. Барсик спал на подоконнике. Гелендваген стоял под

домом. Всё, что было построено за две недели, стояло и ждало.

— Я не буду отвечать ему, — сказал Денис. — Я буду делать то, за что мне платят. А если кто-то придёт — встречу.

— Вы не понимаете, с кем вы сейчас говорите по телефону, — сказала Ясмина. — Но я вам верю. — Она помолчала. — Денис.

— Да?

— То, что вы сделали сегодня, — это не сцена.

— Я знаю.

— Я боюсь.

— Я тоже, — сказал Денис.

И положил трубку.

Ночью он не спал. Сидел рядом с Барсиком. Смотрел на город. Москва горела тысячами окон, каждая точка — отдельная жизнь, отдельная история, отдельный человек, у которого свои партнёры, свои утечки, свои страхи. Денис подумал, что он в этом городе — не гость. Он уже — часть. Не потому, что он этого хотел. А потому, что сказал одну правду, которую слышали все.

Ильдар вошёл в гостиную в два часа ночи. Молча налил себе чай. Сел напротив.

— Денис.

— Да.

— Я тебе скажу одну вещь.

— Говори.

— Я вчера ночью сидел внизу. У себя. Думал. — Ильдар смотрел в чашку. — Ты меня нанял. Роллс, Гелендваген, пентхаус, всё. И я думал: вот, наконец, я не мальчик с битой, я — при солидном человеке. И только сегодня, когда этот Ремизов зашёл, я понял. — Он поднял глаза. — Я не при солидном человеке. Я при том, кто может сказать *«Николай»* — и через неделю кого-то не станет. И это, — он помолчал, — это, Денис, мой выбор был. Я сам вошёл.

— Можешь выйти.

— Нет. — Ильдар усмехнулся. — Поздно. Я уже это ска-
зал вслух. Обратно нельзя.

Он встал.

— Я усилю охрану. Двое — внизу, один — в холле, один — на этаже. По кругу. Скажу пацанам, чтобы были как на войне. Потому что, Денис, я тебе честно скажу. — Он посмотрел в окно, на Москву, на тысячу огней. — Война уже началась. Просто мы её пока не слышим.

Он ушёл.

Денис остался один. С Барсиком. С телефоном. С городом в окне.

И с сообщением, которое пришло в 3:12 ночи с незнакомого номера. Три слова. Без подписи.

«Проверил. Ты прав».

А потом — второе сообщение. С того же номера.

«Сколько вы хотите за то, чтобы работать только на меня?»

Денис посмотрел на эти слова. Потом на Барсика. Барсик открыл один глаз и посмотрел на него.

— Ну что, — сказал Денис. — Началось.

И положил телефон на стол.

Глава 7

Николай

Николай пришёл на третий день. Не в пять, не в девять, не с предупреждением. Просто утром, в десять, когда Денис пил чай на кухне и смотрел, как Ильдар внизу, на своём этаже, разбирается с охранным графиком.

Сначала позвонил Руслан — снизу, из холла.

— Денис Сергеевич. Тут человек. К вам. Говорит, по делу.

— Имя?

Пауза. Потом — голос Руслана, чуть тише:

— Говорит, Николай. Больше ничего не говорит.

Денис поставил чашку.

Ильдар на другом конце провода уже знал — он всегда всё слышал первым. Через минуту он был наверху, у двери, с двумя пацанами, у которых под пиджаками было что-то не то.

— Денис, — сказал Ильдар. — Это он.

— Я понял.

— Он пришёл сам.

— Да.

— Денис. — Ильдар перегородил дверь. — Ты меня послушай. Я в этом районе двадцать лет. Я знаю, как это де-

лается. Так не приходят. Если он проиграл — он присылает людей. Если он хочет войны — он присылает людей. Если он хочет мира — он всё равно сначала присылает людей. Сам он приходит только в одном случае.

— В каком?

— Когда ему уже *всё равно*. — Ильдар посмотрел на него прямо. — Когда человеку нечего терять, он приходит сам. И тогда — всё, что он принесёт, — это беда.

Денис помолчал.

— Ильдар.

— Что?

— Ты его знаешь?

— Нет. Я в районе его не видел. Я его тип знаю. Это не Ремизов. Это *другой*. — Ильдар чуть сдвинулся. — Ты не должен впускать.

— Впусти.

— Денис...

— Ильдар. Впусти. — Денис посмотрел ему в глаза. — Ты вчера ночью сказал: я сам вошёл. Помнишь? Ты вошёл, потому что хотел. А теперь — я вхожу. По-своему. Впусти.

Ильдар держал взгляд. Долго. Потом отступил. Кивнул пацанам. Руслан открыл дверь.

И — вошёл Николай.

Он был старше, чем Денис думал. Лет пятьдесят пять. Крепкий, не высокий, но с той плотностью, которую дают годы, проведённые в качалке, а потом — в делах. Пиджак

на нём был хороший, но чуть-чуть не по фигуре, как у человека, который костюмы носит по необходимости. Волосы седые, коротко. Лицо не злое. Не хитрое. Усталое.

И с ним — женщина. Лет тридцати. Тихая. В простом сером пальто. Волосы собраны в хвост. Ничего яркого, ничего дорогого. Она прошла в комнату и села у окна, в кресло, не спросив разрешения, но так естественно, как будто это было её место. Николай остался стоять.

Ильдар закрыл дверь. Встал у стены. Руки скрестил. Смотрел.

Николай обвёл комнату взглядом. Потом посмотрел на Дениса.

— Денис Сергеевич.

— Здравствуйте.

— Николай. — Он чуть склонил голову. — Это моя сестра. Лена.

Денис посмотрел на женщину. Она кивнула ему — коротко, вежливо, без улыбки. И снова замолчала. Она не смотрела на Дениса так, как смотрят на экстрасенса, — не с надеждой, не с испугом. Она смотрела на него так, как смотрят врачи на врача. Профессионально. Оценивающе. Из глубины.

— Садитесь, — сказал Денис.

— Я постою. — Николай положил руки на спинку кресла. — У меня разговор короткий.

— Тогда говорите.

— Вы назвали меня. Ремизову.

— Назвал.

— Спасибо, — сказал Николай.

Ильдар у стены не изменился в лице. Но чуть-чуть переступил с ноги на ногу. Денис заметил. Он был спокоен. Но заметил.

— Почему «спасибо»?

— Потому что вы сказали правду. — Николай смотрел ему прямо в глаза. — Я действительно стучу. Полгода. Ремизов должен был знать это раньше. Я ждал. Я думал: ну, когда-нибудь он поймёт. Он умный. Он собранный. Он всё видит. — Николай усмехнулся. — Не увидел. Полгода я его сдаю, и он ничего не понял. Мне пришлось ждать, пока придёт какой-то приезжий с улицы и скажет ему вслух.

— Вы хотели, чтобы он узнал?

— Я хотел *выйти из игры*, — сказал Николай. — А чтобы из неё выйти, надо, чтобы тебя назвали. Тогда — ты уже не партнёр. Ты — тот, кого разоблачили. И тогда можно уйти. По-честному. Не сбежать. Уйти. Так, как делают люди, у которых есть имя.

Денис чуть наклонил голову.

— Вы странно говорите для человека, который полгода сдавал партнёра.

— Я говорю прямо. — Николай отпустил кресло. — Я действительно сдавал Ремизова. Полгода. И вот почему. Мы вместе двенадцать лет. Мы были как братья. Мы вместе под-

нимались с нуля. И шесть лет назад Ремизов решил, что мы — не партнёры. Мы — его сотрудники. Он взял всё на себя. Сделки, подписи, деньги. Нам — проценты. Хорошие. Но проценты. — Он помолчал. — Я ему говорил. Один раз. Второй. Третий. Он не слышал. Он — вождь. У него всё под контролем. И тогда я решил: выйду. Но так, чтобы уйти с тем, что у меня есть, а не с чем пустят. И вот — выхожу.

— Через конкурентов?

— Они — не конкуренты, — сказал Николай спокойно. — Они — те же люди. Просто с другой стороны. Я им давал информацию. Они мне — гарантии. Не на будущее. На выход.

Денис молчал.

Он смотрел на Николая и понимал, что не понимает его.

Всё в его речи было правдой — так, как Денис чувствовал. Он чувствовал правду так же, как чувствовал Мурку и Артёма. Она звучала ровно. Как нота. И — и это было главное, — в этой правде не было того, чего Денис ждал. Не было злобы. Не было мести. Не было обиды. Просто человек решает выйти из чужой игры. И вышел бы давно, если бы Ремизов умел слушать.

Это было честно. И — обратное тому, что Денис думал.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросил он.

— Потому что вы — единственный, кто меня увидел и не выдал сразу. — Николай впервые улыбнулся. Совсем чуть-чуть. — Вы позвонили ему. Я знаю. Он мне сказал. Он при-

ехал ко мне вчера днём. У нас был разговор. Трудный. И — после этого разговора я понял одну вещь. — Он помолчал. — Он вас не отпустит. Он вас купит. Или упокоит. У него всё — или/или.

— И?

— И я пришёл. — Николай отпустил кресло и впервые сел. — К вам. До того, как он вас съест. С двумя предложениями. Вы можете сказать «нет» — и я уйду не солоно хлебавши и больше не приду. Но если вы скажете «да», — то вы уже не будете работать ни на Ремизова, ни на меня.

Денис ждал.

— Первое предложение. — Николай положил ладонь на стол. — Вы даёте Лене свою технику. Не мне. Ей. Она работает в инвестициях. Она — моя голова. Она два года знает всё про всех в этом городе и не может ничего сделать без «подтверждения». Ей нужен человек, который умеет подтверждать. Это — я. Всё, что она заработает через ваши ответы, — её. Доля вам — вперёд. Хорошая. Много больше, чем вам даст Ремизов.

— Второе?

— Второе. — Николай посмотрел на сестру. Лена смотрела на Дениса. Молча. Не моргая. — Второе. Дайте мне уйти. Я вам не конкурент. Я вам не враг. Я вам — человек, который уходит. Пустите.

Денис молчал.

Впервые за все три недели, что он жил в этом мире, ему

нечего было сказать. И это его испугало. Не потому, что он не знал ответа. Он знал. Он знал давно. Просто ответ, который он знал, — был не тот, который он *хотел*. Он хотел сказать: «уходите оба, я ни на кого не работаю». И не мог — потому что впервые в жизни видел перед собой не беду и не наглость, а *работу*. Людей, которые не пришли за чудом. Они пришли к мастеру. За ремеслом.

И он не знал, что хуже.

— Ильдар, — сказал Денис.

— Что? — Ильдар от стены.

— Что скажешь?

Ильдар не ожидал. Он помолчал. Посмотрел на Николая. На Лену. На Дениса. И — сказал.

— Уйди — не уйди. Это неважно. — Он шагнул вперёд. — Это его дело. Но тут, Денис, — про ремесло. Ты не на Ремизова работаешь. Ты работаешь на себя. И он это *знает*. — Ильдар мотнул головой в сторону Николая. — Смотри, как он говорит. Он не продаёт тебя. Он тебя покупает. Хорошо. По-хорошему.

— Это плохо?

— Это — *умно*. — Ильдар впервые смотрел не на Дениса, а на Николая. Уважительно. И — осторожно. — Значит, или сильно, или — опасно. То и другое — нам сейчас не нужно. Вы, — он повернулся к Николаю, — пришли не за этим. Вы пришли прикрыться. Не сестрой. Собой. Слышите?

Николай поднял на него глаза. Долго смотрел. Потом пе-

ревёл взгляд на Дениса.

— Он прав, — сказал он. — Я не знаю, кем он у вас работает. Но он прав. Я пришёл прикрыться. Потому что если Ремизов знает, что я у вас был, — он будет думать, что вы — мой человек. И тогда я — не один.

Денис встал.

Он подошёл к окну. Положил руку на стекло.

И — потянулся.

Он потянулся к Николаю. Не для того, чтобы найти кошку, не для того, чтобы назвать имя. Просто — посмотреть. Кто он. Что за ним. Что — впереди.

Плётка пошла. Легко. И — замерла.

Денис стоял и смотрел внутрь Николая. И видел, что всё правда. Всё, что он сказал, — правда. И — видел ещё одно. То, чего Николай сам не сказал. И, может быть, не знал.

Николай шёл не «на выход». Николай шёл *вверх*. Он не уходил из игры. Он переходил в другую. И в этой другой — он был готов идти до конца. Дольше, чем Ремизов. Дольше, чем кто-либо в этом городе. И Денис, если встанет рядом, — встанет не рядом с человеком, который хочет уйти. Он встанет рядом с человеком, который хочет *взять*.

Денис убрал руку.

Обернулся.

И — сказал то, чего сам не ожидал.

— Николай. Вы не уходите из игры.

Тишина.

Николай смотрел на него так, как смотрят на человека, который заглянул внутрь.

— Нет, — сказал он тихо.

— Вы переходите.

Долгая пауза.

— Да.

— Вы пришли ко мне не за подтверждением. Вы пришли за гарантией. Чтобы я был ваш.

Николай молчал.

Лена у окна смотрела на брата. Медленно. Тихо. Как будто впервые увидела.

Николай поднялся. Взял пиджак. Посмотрел на Дениса.

— Вы меня поняли, — сказал он. — Это плохо.

— Да, — сказал Денис.

— Я уйду.

— Уходите.

Николай надел пиджак. Лена встала. Он пошёл к двери. Уже на пороге обернулся.

— Денис Сергеевич. — Он посмотрел ему в глаза. Спокойно. Не зло. — Вы сделали сегодня две вещи. Одна — хорошая. Вы меня не продали. Вторая — плохая. Вы меня не взяли. И вы это, — он чуть улыбнулся, — узнаете, когда будет поздно.

И вышел.

Лена задержалась на секунду. Обернулась. Посмотрела на Дениса долгим, серым, тревожным взглядом. И сказала —

впервые за всё время:

— Он прав. — Голос был ровный. — Вы пожалеете. — Пауза. — Но не про него.

И вышла.

Дверь закрылась.

Ильдар долго стоял молча. Потом подошёл к столу. Налил себе воды. Выпил залпом. Посмотрел на Дениса.

— Денис.

— Что?

— Ты его *раскусил*. — Ильдар поставил стакан. — Ты его раскусил. Это хорошо. Но ты его не взял. Это — плохо. Ты понимаешь, что он теперь?

— Понимаю, — сказал Денис.

— Он теперь не враг. Он даже не друг. Он — тот, кто ждёт. Он не придёт больше. Он просто будет рядом. И когда тебе будет хуже всего — он появится. С тем же лицом. С тем же вопросом. И тогда у тебя не будет выбора.

Денис не ответил.

Он сел у окна. Барсик прыгнул ему на колени. За окном — Москва. Всё та же. Но теперь — с ещё одним шрамом на её карте, который Денис сам туда поставил.

Позвонила Ясмина. Через час. Денис взял трубку.

— Ну? — сказала она.

— Он ушёл.

— Ремизов?

— Николай.

Пауза.

— Николай пришёл сам?

— Да.

Долгая тишина.

— Денис, — сказала Ясмина совсем тихо. — Я этого не предсказывала.

— Знаю.

— Я не всё вижу. Я предупреждала вас об этом на второй день. Я вижу только то, что у всех на сцене. А тех, кто приходит сам, — я не вижу. Они — за сценой. Как вы.

— Да.

— Что вы ему сказали?

— Я сказал ему «нет».

Пауза.

— Хорошо, — сказала Ясмина. — И плохо.

— Ильдар сказал то же самое.

— Ильдар — умный. — Она вздохнула. — Денис. Я вам скажу одну вещь. И вы её запомните. В Москве не бывает так, чтобы «нет» закрывало дверь. В Москве «нет» — это открытая форточка. Через неё влезают. Рано или поздно. Не он — так кто-то другой. Не тот вопрос — так этот.

— Что делать?

— Ничего. — Она помолчала. — Работать. У вас теперь — рынок. У вас теперь — имя. Это клиенты. Настоящие. Это — деньги, которые нельзя не взять. И это — дверь, которая не закрывается. Добро пожаловать в Москву, Денис.

Вы теперь тут.

Она положила трубку.

Денис сидел у окна. Барсик спал. Москва горела. Где-то в ней шёл Николай — со своим планом, со своей сестрой, со своей дорогой наверх. Где-то сидел Ремизов — злой, считающий, планирующий. Где-то ехала Ясмينا — с телефоном в руке, с тревогой на лице. Где-то внизу Рустам проверял охрану, а Ильдар смотрел сериал и всё равно не спал.

А у Дениса было дело, которое никто не отменял. Было имя. Была репутация. И была первая в жизни работа — ремесло.

Он взял телефон. Открыл сообщения. Нашёл номер, который он сохранил ещё тогда, у Арбата. Позвонил.

— Здравствуйте, Наталья Сергеевна, — сказал он. — Это Денис. Скажите своим знакомым. Я работаю. С завтрашнего дня. Обычная цена. Обсуждаемо. — Пауза. — Да. Начнём с простого.

Положил трубку.

Барсик открыл один глаз. Посмотрел на него. И — прикрыл.

Ну что ж. Посмотрим, что из этого получится.

Глава 8

Партнёр

Утро началось с очереди.

Денис не понял сначала, что происходит. Он встал, налил чай, подошёл к окну — и увидел внизу, у подъезда, четыре машины. Не такси. Просто машины. Разные. Люди стояли кучками — по два, по три человека, — и о чём-то говорили. Один курил. Женщина в красном пальто держала папку у груди, как ребёнка.

Он позвонил Ильдару.

— Ильдар.

— Доброе утро, — сказал Ильдар, и голос у него был довольный. Слишком довольный.

— Что внизу?

— Клиенты.

— Сколько?

— Одиннадцать. — Пауза. — Вчера было шесть. Сегодня одиннадцать. К обеду будет двадцать. Я взял на себя смелость — всех записал. Руслан ведёт журнал. У нас теперь журнал.

Денис помолчал.

— Ильдар.

— Что?

— Я вчера сказал Наталье Сергеевне, что работаю. Не что я открываю приём. Я сказал: работаю.

— Ну.

— Это то же самое?

— В Москве — да, — сказал Ильдар убеждённо. — Денис, слушай. Я тебе по-честному. Ты не понимаешь, как это делается. В Москве, если ты что-то умеешь, — об этом надо *говорить*. Не реклама. Но *говорить*. Один раз сказал — уже стоит очередь. Это не твоя заслуга и не моя. Это Москва.

Денис посмотрел на Барсика.

— Ладно. Пускать по одному.

— По одному. — Ильдар уже командовал кому-то в сторону. — Только, Денис, — пауза.

— Что?

— Тут первый уже поднялся. Не из очереди. Отдельно. Сказал — по личному. Не сказал, от кого. Но я его знаю.

— Кто?

— Юрист Ремизова. Зовут Сергей. Я его видел один раз. Он приезжал к дяде Васе. По делу.

— Впусти.

— Денис.

— Впусти, Ильдар.

Пауза.

— Хорошо.

Сергей был аккуратный. Совсем молодой — лет тридца-

ти, — в тёмном костюме, с портфелем. Вошёл, вежливо поздоровался, разулся сам, не дожидаясь просьбы, и сел за стол так, как садятся не за переговоры, а за нотариальную доверенность. Никакой театральности. Никакого обаяния. Просто человек, у которого есть задача.

— Денис Сергеевич. — Он открыл портфель. — Меня попросили передать вам одну вещь. Не как предложение. Как подарок.

Он вынул тонкую папку. Положил на стол. Не раскрыл.

— Что это?

— Это вы посмотрите сами. Мне поручено только вручить. — Он посмотрел на Дениса. — Ещё мне поручено сказать одну фразу. Полномочия — прямые. От Антона Игоревича. От первого лица.

— Говорите.

— Антон Игоревич просил передать: «Я был неправ. Я хочу поговорить по-другому. Не как в тот раз.» — Пауза. — Это всё. Он ждёт вас завтра. В любое время. Он приедет сам.

Денис смотрел на папку.

— Спасибо, — сказал он.

Сергей встал. Поклонился коротко — без раболепия, просто вежливо. И вышел. Дверь закрыл тихо.

Ильдар вошёл через минуту.

— Что там?

— Не знаю. — Денис раскрыл папку.

Внутри был не документ. Не предложение. Не договор.

Внутри была одна фотография. Чёрно-белая. Снятая на плёнку, отпечатанная на хорошей бумаге. На фото — улица. Псковская область. Деревня. Летняя. Изба, колодец, тёплый свет в окне. У колодца — старик. Спина прямая. Он смотрит в камеру спокойно, как смотрят те, кто никого не боится.

Под фотографией — короткая подпись от руки. Не машинописью. Ремизов написал сам.

«Ваш дед. Я его знал. Так что давайте поговорим по-честному».

Денис смотрел на фотографию долго.

Он никогда не был в этой деревне. Никогда не видел этого старика. Дед существовал только как строчка в легенде, которую Ильдар придумал ему месяц назад, для участкового. Pskov. Старик. Наследство. Легенда. Чистая бумага.

Ремизов побывал в этой деревне. Нашёл кого-то. Сфотографировал. Отпечатал. Прислал.

Это была не угроза. Это было *приглашение*. Приглашение поговорить не как экстрасенсу и клиенту, а как человеку к человеку. Он не сказал: «я знаю, что вы врётё». Он сказал: «я знаю, что у вас что-то есть». И — дал понять: он может это тронуть. Если захочет.

Денис закрыл папку. Положил на стол.

— Ильдар.

— Что?

— Ты помнишь, откуда взялось слово «Псков»?

Ильдар помолчал.

— Из меня, — сказал он. — Я придумал. Тогда. Участковому.

— Ты кому-нибудь ещё это говорил?

— Никому. — Ильдар смотрел на папку. — Наталья Сергеевна не говорила. Участковому — только. Яasmine — нет. — Пауза. — Денис. Если он это узнал, значит, он не просто бизнес. Значит, он — с людьми. С теми, кто копает.

— Я понял.

— Денис. — Ильдар подошёл ближе. — А ты понимаешь, что он тебе предлагает?

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь. — Ильдар сел напротив. Впервые за месяц — сел напротив, без ежедневника, без чая, без пацанов за дверью. Просто сел. И это было необычно. — Слушай меня. Я тебе сейчас скажу то, чего тебе никто не скажет. Я тебе не буду говорить «он враг, откажись». Я тебе скажу по-другому.

— Говори.

— Москва — это не город. — Ильдар смотрел в стол. — Москва — это пирамида. Наверху — тридцать человек. Может, пятьдесят. У них всё. Деньги. Люди. Время. Всё. Ниже — те, кто им служит. Ещё ниже — те, кто на них работает. Ещё ниже — кто их охраняет. Ещё ниже — кто метёт. И самый низ — это мы с тобой.

— Мы с тобой на самом верху.

— Мы с тобой — *при них*. — Ильдар поднял глаза. —

Вот что я хочу, чтобы ты понял. У нас сейчас не Роллс и не пентхаус. У нас сейчас — *внимание*. К нам пришёл Ремизов. Он наверху пирамиды. И он говорит с тобой не сверху вниз. Это значит одно. Он тебя *берёт*. Он не хочет тебя покупать. Он хочет тебя *взять*. Это другое.

Денис молчал.

— И это, Денис, — *хорошо*, — сказал Ильдар. — Вот что я тебе скажу, хотя знаю, что ты меня сейчас не поймёшь. Это хорошо. Потому что через два месяца к нам придёт второй из этих тридцати. Потом третий. И если мы *всеим* скажем «нет» — нас не будет через год. Никого. Ни тебя, ни меня, ни Барсика.

— Ты предлагаешь согласиться.

— Я предлагаю говорить. — Ильдар откинулся. — Я предлагаю сесть с ним за один стол. Выслушать. Не соглашаться сразу. Не отказывать сразу. *Поговорить*. Это называется — большая игра. В ней не побеждает тот, кто сильнее. В ней побеждает тот, кто *дольше остаётся в игре*.

Денис смотрел на него.

Долго.

Он видел, что Ильдар говорит не из слабости. Не из страха. Из опыта. Из того самого двадцатилетнего опыта, который Денис не имел. Ильдар говорил умные вещи. Ильдар говорил вещи, которые, если бы Денис был из этого мира, — были бы правдой.

Но Денис не был.

Он видел другой мир. Он видел, как пирамиды рушатся. Как тридцать человек наверху становятся тремя. Как два человека становятся одним. И как это «один» потом приходит к тебе — и говорит: «А теперь ты».

Он видел это. Он жил в этом. И он знал, что в этом мире, где пирамида из тридцати, — то же самое. Просто медленнее.

— Ильдар.

— Что.

— Я тебя слышал.

— И?

— И — нет.

Ильдар закрыл глаза.

— Денис.

— Ты сказал: «поговорить». Хорошо. Я поговорю. — Денис взял папку, положил в неё фотографию обратно, закрыл. — Завтра. Он приедет. Я с ним поговорю. Но не как с тем, кто меня берёт. Как с тем, кто рядом стоит. Понимаешь разницу?

— Нет.

— Я тоже объяснить не могу. — Денис встал. — Но я её чувствую. Если я сейчас скажу «да» — я стану его человеком. Я не буду больше ни Веру искать, ни кошку. Я буду искать то, что он скажет. И через год я буду тем, кем он меня сделает. Он — не глупец. Он сделает из меня хорошее. Я буду много зарабатывать. У меня будет всё. И я буду ему

обязан всем.

— Это плохо?

— Это *принадлежать*, — сказал Денис. — А я не умею.

Ильдар сидел.

Долго.

Потом встал.

— Ладно, — сказал он. — Тогда слушай меня. Второй раз.

— Он подошёл к двери. — Если ты ему скажешь «нет» — ты его обидишь. Это не Ремизов-сегодня. Это Ремизов-через-месяц. И за тебя — не заступится никто. Ни Ясмина. Ни участковый. Ни твоя магия. — Он положил руку на ручку двери. — Мне это не нравится. Мне это *совсемне* нравится. Я бы сделал по-другому.

— Я знаю, — сказал Денис.

— Я тебе скажу ещё одно, — сказал Ильдар, не оборачиваясь. — Я тебя не брошу. Ни сейчас, ни потом. Ты мне теперь — не работа. Ты мне — жизнь. И если ты пойдёшь против него — я пойду с тобой. Просто знай: я считаю, что мы делаем глупость.

— Спасибо, — сказал Денис.

— Дурак, — сказал Ильдар.

И вышел.

Дверь открылась. Ильдар не вошёл. Просто сказал:

— Тут ещё один. Клиенты. Я сказал, что ты занят. Он говорит — подождёт. Говорит — срочно.

— Что нужно?

— Мать. Старуха. Не встаёт с кровати. Врачи говорят — сердце. А он говорит — не в сердце. Говорит: она *зовёт*.

Денис убрал папку в ящик стола.

— Пусть зайдёт.

Вошёл мужчина. Лет сорока. Простой. В куртке. Руки большие, рабочие. Он не поздоровался. Не сел. Просто посмотрел на Дениса и сказал:

— Мать умирает.

Денис кивнул.

— Расскажите.

— Она не болеет. У неё сердце, да. Но она не болеет. Она *говорит*. Целыми ночами. С кем-то. С отцом. С бабкой. С теми, кого нет. А потом перестала говорить. Лежит. Смотрит в потолок. Я ей: «Мам, ты чего?» — она: «Сынок. Зови их. Они меня заждались».

Денис молчал.

— Денис Сергеевич. — Мужчина впервые назвал его по имени. Голос дрогнул. — Я не верю в это всё. Не верю в гадалок. Но я вчера с работы пришёл — и она мне сказала: «Ты иди. Он тебя ждёт. Тот, кто слышит». Понял? Она сказала — «слышит». Я её спросил: «Кто ждёт?» — «Тот, кого зовут Денис».

Денис замер.

Медленно. Очень медленно. Он посмотрел на Барсика. Барсик смотрел на мужчину. Барсик не двигался. Барсик не спал.

— Как зовут вашу мать?

— Вера Ивановна.

— Возраст?

— Восемьдесят один.

— Адрес.

Мужчина назвал. Дальний район. Два часа езды.

Денис встал. Взял куртку. Вышел в коридор, где Ильдар стоял с ежедневником. Сказал:

— Одиннадцать — на сегодня отменяю.

— Что?

— Всех отмени. Скажи: Денис Сергеевич выехал на важное. Извинись. Скажи — приму позже. Все приняты. Я заплачу сверху, кто хочет. — Он посмотрел на Ильдара. — Готовь машину.

— Денис. — Ильдар оглянулся на кабинет. — А Ремизов? Денис помолчал.

— Ремизов подождёт.

Ильдар открыл рот.

Закрыл.

И — записал. Но перед тем, как записать, он сделал одну вещь, которую Денис от него не ожидал.

Он посмотрел на Дениса и сказал тихо:

— Я к этому не готов. Но я еду.

— Знаю, — сказал Денис.

А вечером, когда они возвращались — из того дома, далёкого, где восемьдесят один год и всё, что за плечами, от-

зывается в темноте тёплым светом, — Ясмينا позвонила.

Де

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.